

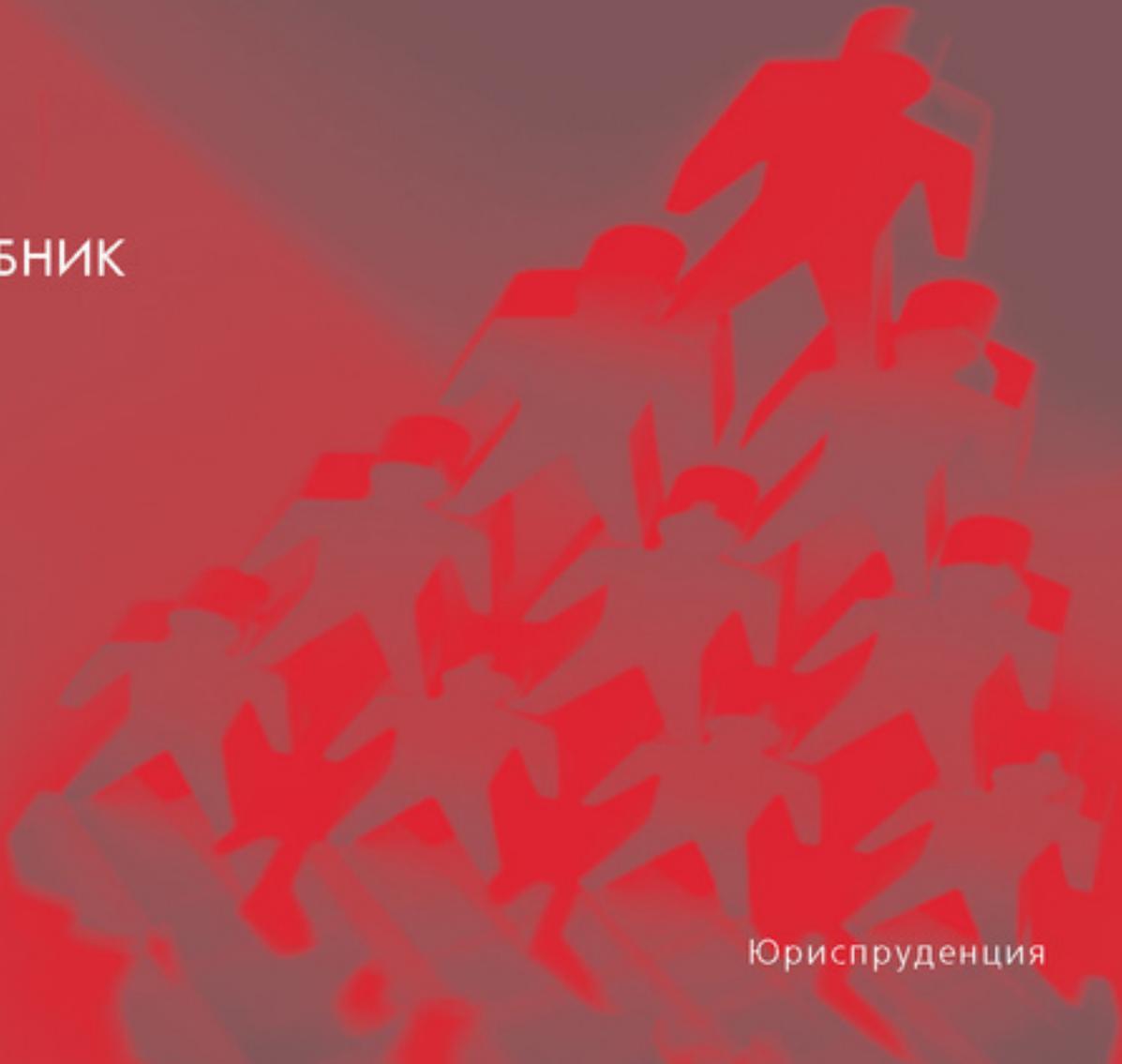
МОСКОВСКИЙ ИНСТИТУТ ПРАВА

А.И. Косарев

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

УЧЕБНИК

Юриспруденция

Андрей Косарев

**Всеобщая история
государства и права**

«Юриспруденция»

2007

УДК 340.15(075.8)

ББК 67.3

Косарев А. И.

Всеобщая история государства и права / А. И. Косарев —
«Юриспруденция», 2007

В книге излагается содержание двух учебных дисциплин – истории государства и права зарубежных стран и истории государства и права Отечества, что на основе сравнительного метода расширяет возможности анализа и повышает уровень осмысления историко-правового материала. Для юристов, учителей права, всех, кто интересуется историей.

УДК 340.15(075.8)

ББК 67.3

© Косарев А. И., 2007
© Юриспруденция, 2007

Содержание

Раздел I	6
1	6
2	16
Раздел II	27
Глава 1	30
Глава 2	35
Глава 3	39
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Андрей Иванович Косарев
Всеобщая история государства и права

© А.И. Косарев, 2007

© Оформление. ИД «Юриспруденция», 2007

Раздел I

Предмет, метод, методология

1

Объект и предмет истории государства и права

Объект науки и учебной дисциплины «Всеобщая история государства и права» образуют государство и право в их историческом прошлом. Составной частью «Всеобщей истории» является история государства и права Отечества. Соединение истории зарубежных стран и Отечества способствует более полному использованию сравнительного метода и в целом повышает научный уровень их изучения, кроме того, ограничивает повторение материалов одной и той же смысловой нагрузки, в частности в преподавании истории Отечества и истории государства и права Отечества.

Что есть прошлое? Настоящее и прошлое не разгорожены китайской стеной. Прошлое – это и вчерашний день, и прошедшее утро, даже завтрашний день послезавтра. Поэтому можно сказать, что «история и современность есть некоторое целое». Такое непременно должно учитываться при оценке значимости истории для нашего времени.

Объект истории государства и права включает в себя многообразие наблюдаемых в первоисточниках событий. Описание конкретных событий прошлого составляет фундамент всего последующего изучения государства и права. Объект исследования – это, однако, не только очевидное, познанное, но и «суть всех вещей и концов», все то, что еще предстоит узнать, понять и разгадать.

Предмет истории государства и права есть нечто иное. Он характеризуется тем, под каким углом зрения, в каком аспекте рассматривается данный объект, зачем, для чего, с какой целью мы изучаем материал, что хотим в нем узнать и понять. Выделяются укрупненные единицы исторического процесса – проблемы, тенденции и закономерности, ценностное содержание свершившегося, а также вся целостность движения государства и права.

Преследуется цель дать необходимые представления о *развитии* государства и права.

Изложение подчинено задачам юридического образования на первом году обучения в высшем учебном заведении. Во избежание дублирования материалов дисциплинами, изучающими современные состояния государства и права, их новейшая история дается в суммарном изложении.

Предмет истории государства и права во многом определяется тем местом, которое он занимает в системе наук. Стадию описания своего фактического материала прошли, например, и ботаника, биология, геология. Но на этом они не остановились и, поднявшись к широким обобщениям, приобрели значение инструментов практики. Историческая наука совмещение индивидуализирующей описательности и генерализации знаний стала решать выделением из себя различающихся ответвлений. В одних преимущественно собирался, систематизировался и классифицировался материал (археология, источниковедение); в других – создавались работы обобщающего характера (всемирная история, история культуры), работы теоретического плана (труды Н.А. Бердяева, Л.Н. Гумилева, Н.А. Данилевского, Э. Мейера, А. Тойнби, О. Шпенглера); а также выделением работ, приближенных к нуждам практики (история техники, история медицины). К числу последних принадлежит и история государства и права. Она занимает верхнюю часть усеченной пирамиды всей системы исторических наук, ее специфику во многом определяют слова: «Активная гражданская позиция как бы предопределена самим юридическим образованием».

История государства и права выделяется ее предназначенностью для юристов. Историко-правовая наука подготавливает к деятельности по строительству современного общества, государства и права, их будущего, в ней выражена приближенность к проблематике нашего времени. В таком качестве она говорит не только о том, «как было дело», но предполагает активное освоение материала в направлении «что все это значит». Здесь описательная история стремится стать историей аналитической, активно способствует осознанию целей и средств государства и права по регулированию общественных отношений. Выделяется методологический аспект изучения истории государства и права. Квалификация специалиста во многом определяется тем, каким инструментарием он владеет.

История государства и права как учебная дисциплина не охватывает весь фактический материал о своем прошлом. Она лишь знакомит с наиболее типичными, ярко выразительными, характерными событиями, отражающими общее и особенное в развитии государства и права стран мира. Также и внимание к укрупненным единицам исторического процесса ориентирует на поиск наиболее значительного, интересного, позволяет выйти за рамки узкоутилитарного.

Среди юридических наук история государства и права отличается изображением всей целостности своего объекта, тогда как государственность отдельных стран, памятники права, развитие отраслей, институтов, правовых понятий рассматриваются лишь как фрагменты целого. Они составляют сферу особых интересов, например источниковедения, страноведения или специальных юридических наук.

Отдельно стоит вопрос о разграничении истории и теории государства и права, философии истории. Однако если последние на разных уровнях обобщения дают знание в абстрактно-теоретической форме, то история государства и права – в конкретике фактического материала. Сохраняя фундаментальное значение в системе юридических наук, история государства и права, вместе с тем, не перестает быть самостоятельной формой знания своего объекта в многообразии его проявлений.

Здесь есть противоречие: выделение в предмете истории государства и права закономерностей развития ограничивает познание всего ее многообразия, многогранности реального хода исторического процесса. Правда истории при этом подчиняется некоторому достигнутому уровню знаний, подчас искажается приверженностью той или иной теоретической установке. Следует согласиться и с тем, что абсолютизация объективных закономерностей принижает, даже отрицает роль человеческого фактора в истории. Противоречие решается так, что при изучении историей государства и права общего – закономерностей, проблем развития – они лишь выделяются, приподнимаются, но отрываются от конкретного, внешнего, случайного. Историк-юрист, формулируя выводы, выявляет содержание общего с противоборствующими тенденциями, влиянием случайных факторов, со всем тем, что способствовало, препятствовало, искажало проявление закономерностей.

И другое. История государства и права не может не говорить о «цветах времени», не оценивать изменения с позиций ценностей жизни и культуры. Она не прах пережитого, не «зеленоватая формула», но колоссальная реальность. В ней выделяется ценностное содержание событий. Прошлое развитие государства и права – напряженная волнующая картина, пронизанная пафосом побед, драматизмом и трагизмом поражений. Отражая эти стороны действительности, историко-правовая наука более полно передает правду истории. Она не антикварное, но живое действенное явление; не размениваясь по мелочам, не отвлекаясь второстепенными деталями, историко-правовая наука способна формировать вдумчивое отношение к прошлому и современности. Она обращается к цельному человеку – ко всем его способностям, интеллекту, чувствам, воле. История в ценностных суждениях одухотворяется ее осознанием, приобретает человеческое лицо.

История государства и права помогает мыслить масштабно, укрепляет методологический характер юридического образования, активизирует его воспитательную функцию, участвует

в становлении мировоззренческой и эмоционально-мотивационной сторон личности, формирует ее правовую культуру.

В общем выражении под предметом науки истории государства и права понимается прошлое государства и права в движении к своим современным состояниям, раскрываемое в избранных образцах, в характерных и типичных фактах, проблемах развития, тенденциях и закономерностях, в их ценностном содержании.

Итак, знакомясь с фактами истории, мы узнаем то, что видим: изучая проблемы закономерности и развития, приближаемся к постижению сути явлений, а в оценочных суждениях нам раскрывается также и значение государственно-правовых преобразований для человека, для народа, для человеческого сообщества. В таком качестве история не только фундамент знания, но самостоятельная форма осознания государства и права.

Характеризуя предмет истории государства и права, следует учитывать, что он не раз и навсегда данное, нечто застывшее, но изменяется развиваясь. «Повзросление» той или иной отрасли знания ведет к стремлению целостно осознать свой объект, найти пути практического использования полученных знаний. Следует иметь в виду и то, что в науке имеют право на существование разные школы, по-своему определяющие предмет, выделяя в нем те или иные стороны. Отдельные, подчас существенные стороны изучаемого объекта могут быть выявлены и благодаря личностным качествам изучающего – его жизненным опытом, навыками работы, остротой видения, интуицией, увлеченностью предметом знания.

В излагаемой ниже истории государства и права содержится устоявшийся, проверенный фактический материал курса, вместе с тем обрисовываются проблемы, вопросы и темы, которые не получили окончательных решений и требуют собственных размышлений, ознакомления с дополнительной литературой, сопоставления разных точек зрения, их кумулирования с непременным стремлением определить свой взгляд на изучаемый объект, отдельные его части – события и процессы. Лишь самостоятельное отношение к материалу определяет качество специалиста.

Факты истории, свидетельствуя о прошлом и отражая многогранность, подчас противоречивость, полифонизм реального, составляют основу, фундамент не только историко-правовой науки, но и всего правоведения, изучения государства, права и в настоящем, и в будущем.

Следует, однако, учитывать, что под фактами истории понимают и сами события прошлого, и свидетельства о них (документы, воспоминания и т. д.), а также научные факты – сведения о прошлом, которые прошли «сито» отбора, научную обработку, введены в систему научного знания.

К сожалению, уже в исторических источниках содержатся пробелы, искажения реального (случается и такое, когда факты истории создаются со специальной целью ее фальсификации). Но и в научных фактах одни детали событий опущены, другие, наоборот, выделены, приподняты. Исторические научные факты – это наиболее значительные, типичные, выразительные факты прошлого. Изначальный признак исторического научного факта – его характерность, выразительность.

Понятия характерного и типичного близки друг другу, но первое более широко по своему содержанию. Характерное – то, что выделяет исторический факт, привлекает к нему внимание, делает интересным. Характерное в исторических фактах – самое простое, но содержит в зачатке и сложное, теоретическое и морально-эстетическое осознание исторических процессов. Оно отчасти интуитивно, но существует и развивается, становясь все более точным инструментом познания на почве передового для своего времени мировоззрения. Есть в понятии характерного и нечто такое, что превышает какой-либо один уровень знания. Здесь сохраняется уважение

к непознанному. Отчасти поэтому лучшие исторические работы прошлых лет не теряют своей ценности и в наше время. История в характерных фактах – это отбор фактов на основе опыта общежития и регулирования человеческих отношений в процессе духовного развития и общения с природой.

В отборе и описании исторических фактов историк стремится быть максимально точным и объективным. Однако следует не забывать о том, что полная копия действительности недостижима, а педантичное описание всех деталей способно лишь увести в сторону от достижения истины. Ложно представление, будто бы сами факты без их осмысления способны дать истинное знание. Научный исторический факт – не мертвый слепок с действительности, не пассивное, но преобразованное в сознании отражение реального. Уже в нем для истории открываются самые широкие возможности стать правдивой, напряженной, волнующей картиной развития государства и права. Но чрезмерное обилие фактов мешает думать. Вот почему так важно, особенно применительно к Новейшей истории с лавиной информации, правильно выбирать, отбирать факты, способные дать полное, объективное знание.

Исторические факты – начало знания. Однако история, лишь рассказывающая о них, составляет только часть целостной историко-правовой науки. «История не может быть прочтена без теоретической интерпретации».

Преодолевая убежденность позиции литературного персонажа, характеризующей одно из направлений исторической науки («Я хочу остаться при факте. Если я захочу что-нибудь понять, то тотчас же изменю факту, а я хочу, я решил остаться при факте»), в последующем изложении речь идет не только о событиях истории государства и права Индии, Китая, Египта или России, но, вместе с тем, почти в каждом разделе говорится и о проблемах, закономерностях их развития. **Проблемы развития**, например:

- сословное деление населения в Индии по Законам Ману;
- конфуцианское и легистское учения в своеобразии государственности Китая;
- общее и особенное афинской демократии и восточной деспотии в Древнем Египте;
- черты раннего состояния права в Законнике Хаммурапи, Законах XII таблиц, в Салической и Русской правдах;
- государство и право Древнего Рима как идеальная модель интенсивно развивающейся государственно-правовой системы;
- особенности мусульманского государства и права в Арабском халифате;
- общие черты и особенности развития государства и права во Франции, Англии, Германии и России в средние века;
- характерные черты англосаксонской и романо-германской форм права;
- общее и особенное в преобразовании государственности в ходе революций в Англии, Франции и России;
- состояние надлома российской государственности в Новейшей истории;
- проблемы глобализации в сфере государства и права Новейшей истории и т. д.

Закономерности развития. При определении места и роли закономерностей в историческом процессе, прежде всего, признается и утверждается, что он имеет импульсы, энергию и вовсе не произволен, но подчиняется некоторому плану и правилам. Вместе с тем, на закономерное течение событий сильное воздействие оказывают природные, этнические, экономические, идеологические и многие другие факторы. Необходимость в истории сосуществует с человеческой свободой выбора. Кроме того, подчас даже самое ничтожное и случайное может резко видоизменить действие закономерности. Сталкиваясь, переплетаясь, накладываясь друг на друга, закономерности разных уровней и порядков порождают массу вариантов своих проявлений. Вот почему в реальной истории закономерности по большей части действуют пунктирно, зигзагообразно, проявляются как тенденции. Но и в таком виде общие закономерности,

преломляясь в юридической специфике, составляют остов, костяк истории государства и права (см. схему на с. 10).

В первом приближении *закономерное в истории раскрывается хаосом и порядком*, за которыми стоят их созидательная и разрушительная стороны. Хаос в общественных отношениях представлен ничтожеством государства и права, их рассогласованностью, разладом внешних построений с требованиями жизни или, например, «кулачным правом», бессилием власти. В хаосе, как смещении всего и вся, в борьбе противоположностей торжествует свобода. Но хаос – это и субстрат, в котором зарождается движение к высшим формам, иногда его именуют нереализованной возможностью. В хаосе зреет необходимость порядка, закладываются начала действенной государственности.

Порядок имеет сложную структуру, в нем особенно заметны *стадиальные изменения и спиралевидные образования с вертикально восходящим и горизонтально направленными изменениями*.

Восходящее движение ведет к устранению устаревшей общественной и государственно-правовой организации, что предполагает применение насилия. На разных этапах развития его действие неодинаково. Неумеренное использование насилия в качестве главного, даже единственного средства решения всех проблем разрушительно, что хорошо различимо в крушении империи Цинь ши-Хуанди в Древнем Китае, а, возможно, имело место и в период «смутного времени» после опричнины Ивана Грозного, в серии дворцовых переворотов в послепетровское время или в разрушениях «перестройки» в России.

Рассматривая восходящее, прогресс, нельзя забывать о том, что его составляют не только успехи науки и техники, высший уровень потребления и свобода с республиканской формой правления. Прежде всего, прогресс определяется улучшениями качества жизни, ее радостным восприятием. Истинный прогресс там, где растет продолжительность жизни, повышается здоровье народа, уменьшается число бездомных бродяг и укрепляются нравственные устои жизни общества. Даже при высшем уровне потребления и успехах модернизации нет прогресса там, где растет число психических заболеваний, случаев суицида, падает рождаемость. В оценке прогрессивности изменений «акцент сегодня необходимо делать на качественные и нематериальные критерии».

Схема 1. Предварительно ориентирующая схема общих закономерностей развития, действующих в истории государства и права

Общие закономерности развития государства и права живут, изменяются под воздействием собственной логики и привходящих факторов, сталкиваются, переплетаются, накладываются друг на друга, и потому наблюдаются в истории в преобразованном, размытом виде, в многообразии вариантов и действуют зигзагообразно, пунктирно, а то и вовсе не обнаруживаются.

Другая разновидность развития – горизонтально направленные изменения (в одной плоскости) с совершенствованием достигнутого без подъема на более высокую ступень (идеоадаптация). В сфере государства и права гармонизация отношений более заметно проявляется в укреплении принципа законности, нравственных устоев личности, семейных отношений, в мероприятиях социального характера, социальном законодательстве или, например, в техническом совершенствовании правового регулирования. Здесь, удерживая, расширяя и укрепляя упорядоченность, соразмерность, согласованность частей целого с внешними условиями, вполне раскрываются природа и назначение государства и права. Тогда «застывшая, дергающаяся» инициатива внешнего прогресса дополняется спокойной уравновешенностью страстей, интересов и рассудка (внутренних побудительных причин изменений), достигаются устойчивость и гармония в самой личности, между нею и обществом, обществом и государством; государство и право приобретают совершенство форм, интенсивно утверждается их человеческое назначение. При этом гармонизация отношений все же не есть простое равновесие частей целого, она имеет место и там, где личность подчиняется нравственному долгу и общему благу.

Признание важнейшей составляющей развития достижения гармонии в горизонтально направленных изменениях не отрицает значения восходящего движения. Наоборот, гармония только тогда достижима, когда общество, а с ним государство и право, наращивают свой интеллектуальный потенциал и духовную силу, способствуют росту материального благосостояния населения. Стремление к достижению высших форм, как инстинкт познания, неотделимо от природы человека. И если общество останавливается в своем поступательном движении в силу болезненности, при надломе (при переходе на более высокую ступень развития) или старении, то гармония разрушается. Однако и восходящее движение невозможно, когда общество расколото враждебностью, когда в нем нет гармонии, единения составляющих его сил. Достижение высших форм и гармонии – две равновеликие цели каждого народа и всего человечества.

Если восходящее движение сопровождается борьбой противоположностей, сменой качественных состояний, скачками в развитии и широким использованием насилия, то для совер-

шенствования в одной плоскости характерны постепенные, эволюционные преобразования на основе соглашений, взаимных уступок, компромиссов, солидарности, взаимодействия.

Восходящее движение и гармонизация в государственно-правовых системах осуществляются при *устойчивости и подвижности в развитии*.

Подвижное, меняющееся (прогрессистское) и стабильное, прочное – извечные начала материи и духа, пронизывая государство и право, в различных сочетаниях они дают то или иное состояние государственности народа в каждый отдельный период его истории. Прочное более представлено в женском («Восток»), а инициативное – в мужском («Запад»). Их соотношение встречается в истории и современности каждого народа, но в отдельные периоды, как в новейшее время, мобильность изменений резко возрастает.

Необходимость стабильности остро ощущается в сфере права, так как она придает праву определенность, наделяет его силой традиции, священностью, делает право хорошо известным и тем во многом способствует его действенности. Очень хорошо понимали это римские юристы, которые стабильность права признавали одним из важнейших его атрибутов. Даже изменяя содержание норм права, они старались сохранить их прежние формы. Вуалируя новое содержание старыми формами, римские юристы стремились облегчить внедрение нового, упрочить его. Отчасти с этим связан и метод частичных, постепенных изменений в праве. В Англии требование стабильности государственного порядка при необходимости внесения в него изменений выражалось в следовании принципу пожизненного сохранения приобретенных прав.

Наблюдался «маятниковый» характер сменяемости устойчивости и подвижности, например, в чередовании у власти тори и вигов, консерваторов и либералов в Англии или в смене реформ контрреформами во второй половине XIX в. в России. Иногда «качания маятника» достигают крайних пределов – советская государственность и «шоковая терапия» в современной России.

Закономерность развития государства и права реализуется в рамках *единства и многообразия*. Будь то минералы, космические объекты или народ с государством и правом – все они внутренне структурированы, имеют начало, ритм меняющихся возрастных изменений (этапы развития) и завершение в истории. Антропокосмизм, как единение космического и человеческого, многообразен – либо движение к высшему, либо переход к хаосу; в человеческом сообществе – к укреплению жизненной силы, либо к гибели и исчезновению, что, однако, рождает поиск лучших решений. Единство не исключает, но предполагает многообразие: в одних случаях выделяется раскрытие творческих возможностей личности («Запад»); в других – совершенствование организации всего коллектива («Восток»). Также и темпы движения по пути прогресса у разных народов, их государственности (и на разных этапах развития) не одинаковы по интенсивности. Одни, сравнительно быстро растративая свою жизненную силу, ускоренно достигают высших результатов и сходят с исторической сцены (Древний Рим); другие длительно сохраняют жизнеспособность и, постепенно обновляясь, сохраняют природу человеческого.

Как в движении и стабильности, так и в темпах развития государства и права реализуется их предназначение – достижение гармонии с «наибольшим счастьем для наибольшего числа людей».

Мера рассудочного и стихийного, абстрактного мышления и эмпирического (как бы на ощупь) присутствует в определении форм и функций, изменения темпов, даже направлений движения государства и права.

Рационализм как мировоззренческое течение, основанное на вере во всемогущество и универсальное значение человеческого разума, вере в возможность чисто логического постижения бытия, полно представлен в сочинениях Декарта. В его учении содержится убеждение в том, что все реальные отношения без остатка сводятся к логическим; логический анализ спо-

собен проникнуть до самых глубин бытия и дать законченную систему знания. Применительно к общественным отношениям такой рационализм непомерно преувеличивает роль абстрактного мышления. Практика государственно-правовой жизни, также и России, опровергает свободные, произвольные построения, основанные «на чисто разумных замыслах, и вынуждена считаться с обществом как продуктом реальных, не зависящих от человеческого разума сил. Продуктом, в создании которого лишь частично соучаствует разумная воля»¹.

Субъективный фактор в виде новых религий или теорий как результат высоко активной рассудочной деятельности ведет к ускоренным преобразованиям и революционным переменам; тот же субъективный фактор как эмпирическое ощущение необходимости и прагматизм – к эволюционным, постепенным и умеренным преобразованиям, а в виде традиционного сознания – к стабильности и прочности существующего строя. Естественно-исторический и, вместе с тем, направляемый людьми ход развития регулируется согласованием противоречий, но нередко и в острых столкновениях рационального с глубинными свойствами человеческой природы. Периоды относительной гармонии прерываются революциями; становится особенно заметным то, что абстрактное мышление в виде вульгарного рационализма может вести к огромным разрушениям, духовному кризису с утратой ценностных ориентиров и неисчислимыми людскими потерями.

В качестве причины, лежащей в основании крайних проявлений революций как на Западе, так и в России, выделяется «культ разума», вульгарный рационализм. Считается, что у человеческого разума нет пределов. Но он все же ограничен в каждый период времени, хотя бы имеющимся уровнем знаний, в целом – состоянием общества. В мирное время преобладает относительная гармония традиционного и рационального. Но при революционных взрывах претензии разума безграничны.

Различия роли абстрактно-логического и эмпирического хорошо просматриваются в ходе французской, английской и российской революций. Все же и в Англии «культ разума» на время привел к ликвидации монархии. Во Франции декретируется культ Верховного существа, разворачивается якобинский террор с массовыми конфискациями имущества дворян и духовенства. В России марксистская теория привела к ликвидации частной собственности, сопутствующему террору, попыткам создания *Homo soveticus*. И в период «перестройки» предпринимались масштабные усилия по формированию *Homo vesternus*. Не болезненностью вождей, но служением ложной идее, узким рационализмом объясняются эксцессы революций.

В осознании состояния государственности, в своих практических действиях по ее совершенствованию надлежит исходить не только из абстрактных построений разума, но учитывать и сложившиеся, внутренне заложенные в народе импульсы. Признается, что «решение острых проблем современности немислимо на основе лишь рационалистического мировоззрения – пытаясь стать единственной общественно значимой силой, человеческий разум может лишь усугубить духовно-нравственный кризис». Традиционное в человеке, обществе, государстве и праве не позволяет человечеству погибнуть в хаосе беспредельной свободы, поддаться чуждым ему силам.

Государство и право развиваются в реальностях *материального и духовного*. Как проявление духовного в них представлено человеческое начало, которое относительно самостоятельно, развивается в силу внутренне присущего, но в связи и под сильным давлением окружающего материального мира. Выделяются природные свойства и возрастные состояния народов. Как проявление человеческого начала значительны не только рационализм и прагматизм, но и нравственный долг, альтруизм, свобода и справедливость. *Люди одухотворяют законы развития, обуславливая их вариантность.*

¹ Франк С.Л. Очерки методологии общественных наук. М., 1982. С. 33.

Более полно в учебнике обрисовывается закономерность *стадиальности и цикличности развития* государственно-правовых систем (монархия, республика, империя; раннее, классическое, позднее состояния права). Выделяются закономерность *преemptивности* (рецепция римского права, вестернизация); *повторяемости* (в самом ходе развития права в Древнем Риме и Англии; повторяемость некоторых черт классического права Древнего Рима в Кодексе Наполеона). Подчеркиваются *вариантность* развития, например, первичный путь в Древнем Риме и в Англии (при довлеющем влиянии внутренних условий); вторичный путь (при широком влиянии рецепции, вестернизации) – романо-германская форма права или становление в Новой истории государственности стран Америки, Африки, Азии. Вариантность представлена и в различиях «Запада» (интенсивный путь изменений) и «Востока» (с растянутостью исторических процессов и крайней расплывчатостью этапов развития), а также в различиях прохождения этапов развития средневековой государственностью или, например, в ходе буржуазных революций в Англии, Франции, Германии, России.

В современном мире в условиях ускоренного протекания исторического процесса в сфере государства и права с особой остротой встают вопросы соотношения единства и многообразия, рассудочного и стихийного, свободы и нравственного долга, достижений технического прогресса и гармонии в общественных отношениях. Становится очевидным, что они вместе активно определяют поступательное движение. Однако стало четко проявляться и то, что свобода, сопряженная с хаосом борьбы противоположностей, в своем абсолютном выражении ведет к распаду. Тогда как упование на безбрежную справедливость становится тормозом поступательного движения и подрывает основы гармонии. Дилемма противоположностей не может быть решена без помощи разума, опирающегося на знание природных процессов и острое чувство реального, радостного восприятия мира или негодования, способных мобилизовать жизненные силы в движении к лучшему, идеальному.

Наконец, **оценочные суждения, оценки в истории.** В их основании лежат ценности жизни и культуры. Ценности – то, ради чего мы живем, дышим, трудимся. Ценности – это Труд, Семья, Отечество, а также организация общества в государстве, право, познание тайн природы и космоса, шедевры художественного творчества и материального производства. Оценки – наше восприятие их реальных проявлений, их значения для жизни. Также и закономерности могут быть «хорошими» и «плохими». Правильное осознание их значимости способно нейтрализовать, снизить негативное либо, наоборот, усилить их положительное действие.

Существует мнение, что оценки, будучи чрезмерно субъективными и изменчивыми, едва ли должны быть привносимы в историческую науку. Действительно, оценки, оценочные суждения, выражая свободу воли, множество человеческих потребностей и устремлений, до крайности разнообразят отношение к реальным событиям. Вместе с тем, оценки несут в себе и объективное содержание событий, в котором отражается их значение для человека, народа, всего человечества. В оценочных суждениях может быть выражено отношение прошлых поколений людей к событиям своего времени; допустимы и оценки «с высоты современного». Последнее, не отрицая историзм, приближает прошлое к осознанию современного. Уже в том, что мы считаем важным, на каких фактах и деталях останавливаем свое внимание, в самом характере изложения наличествует суд истории.

Объективная логика движения, исторически закономерное... разве можно сожалеть, негодовать по поводу их установлений? Но есть же и совесть! Она выделяет и возвышает человека в мире логики и необходимости. В движении истории есть варианты. Нравственность как высшее в человеческом общежитии лежит в основе права, имеет непререкаемое значение. Каждый человек, тем более историк-юрист, не может отказаться от суда истории. Оценки событий с позиций нравственности, обязательно учитывающие условия времени и субъективный фактор, помогают человеку в выработке здоровой жизненной позиции, найти свое место в обществе. Развенчание максимализма и экстремизма, культа силы в строительстве госу-

дарственности и прогрессивном развитии способствует преодолению искажений в освещении исторических событий.

Факты, закономерности, оценки... они всего лишь фрагменты целостной исторической науки. Их сложное взаимодействие проявляется во множестве зачастую противоречивых высказываний о присущих им природе и значении.

«История не может ограничиваться сухим и голым описанием событий». «Знание отдельных фактов не может привести к осознанию целого, что только и является целью».

Да, исторические факты можно считать лежащими в основании всего здания исторической науки. Признается, что история «может и должна познавать свой объект на уровне единичного, особенного, а общее в ней допустимо лишь в форме конкретного, что создает базис». Здесь, однако, необходимо нечто большее, нежели пунктуальность и тщание, а «эрудиция вовсе не является основной чертой ученого, позволяющая ему решать». «Истина в фактах есть искусство отбора». «Знания становятся наукой, когда они устанавливают логические связи между явлениями, вскрывают их казуальную связь, классифицируют их». «Большую опасность представляет воинствующий эмпиризм, который, облекаясь в тогу наукообразности, рассуждает о вреде абстракций».

Также и за пределами «простого» описания, на более высоком уровне осознания, история далеко не свободна от противоречий и разнообразия взглядов, точек зрения на свой предмет. «Историю не понять только через закономерности». «Реальная история – закономерное и импровизация». «Историю следует изучать как единый закономерный процесс во всей ее громадности, разносторонности и противоречивости», «ее нельзя изучать, не делая моральных выводов». «Есть и более высокие истины, чем доводы разума». «Суть науки истории состоит в осмыслении ею исторических закономерностей и нравственной оценке с позиций современности».

Обобщая лишь небольшую часть высказываний о роли и значении исторической, историко-правовой науки в осознании прошлого, можно выделить следующие основные их функции: установление фактов, их описание, систематизация и классификация; выделение закономерностей развития и ценностного содержания исторических событий; целостное изображение рассматриваемого объекта, формирование его образа; раскрытие мировоззренческого значения истории и выделение аспектов практического знания.

Кроме того, следует учитывать, что и в истории истина динамична, требует проверки, пересмотра, когда более высокий уровень ее осознания подчас отрицает или ограничивает ранее добытые знания, казавшиеся незыблемыми.

2

Метод и методология изучения

Метод

Он представляет собой путь познания, способ исследования, определенный подход к освоению окружающей нас действительности. Приступая к изучению истории, мы уже отягощены или оснащены ранее добытыми знаниями и априори установленными принципами, представлениями, характеризующими наше восприятие личности, общества, государства и права, хода истории, ценностей жизни и культуры. Метод отражает как специфику изучаемого материала (объекта), так и цели, задачи, угол его рассмотрения (предмет изучения); метод несет на себе печать личности познающего и, в свою очередь, сам отчасти определяет частные методы, методологию, используемые в исследовании материалы и новые направления его изучения. Здесь перемежаются ранее добытые знания с тем, что надлежит узнать и понять.

Метод истории государства и права составляет система наиболее общих взглядов, принципов и представлений о происхождении, назначении, целях, путях и средствах развития государства и права. Правда истории раскрывается не только в обзоре всего многообразия государственно-правовых систем, институтов, понятий, их форм, но и в осознании целостности процесса развития, не только в полифонизме, многоголосии реального, но и в выделении стержневых, наиболее существенных его черт, качеств, свойств. В таком виде историческая наука преодолевает дробность своих фрагментов, дает панорамное видение изучаемого объекта. Метод истории предусматривает рассмотрение государства и права в конкретном фактическом материале, в развитии, с учетом конкретной исторической обстановки, во взаимосвязи с другими явлениями.

Выделяется, прежде всего, то очевидное, что человечество, человеческий фактор составляют основание и исходное начало в возникновении и развитии государства и права. Такой взгляд отличается от представлений о государстве, праве как надстройке над экономическим базисом, выражающей лишь интересы господствующих классов. Здесь учение о решающей роли (с последующим отмиранием) государства в построении идеального общества сталкивается, а то и соседствует, переплетается с вульгарно-либеральными и анархистскими представлениями, отрицающими либо минимизирующими значение государства и права в развитии общества – «рынок все решит», «анархия – мать порядка».

К методу истории государства и права относятся общие представления об этническом факторе влияния, формационной или цивилизационной концепциях исторического процесса, в котором развитие через насилие и подчинение неизменно соединяется с настойчивыми усилиями путем соглашений, единения, сотрудничества достижения гармонии.

Этнический фактор влияния. Цивилизационная концепция, стадийность, цикличность исторического процесса

Со времен Древнего мира человеческая мысль стремилась выделить то главное, решающее, что определяет становление, развитие государства и права. В последующем изложении первичным, исходным в их возникновении и развитии признается природа человека, которая складывалась в течение многих сотен и тысяч лет.

Человек – не только свободная личность, но обременен и обязанностями, долгом, которые предначертаны его природой. «Я никому ничего не должен» – всего лишь проявление

крайнего индивидуализма, несовместимого с общественной природой человека. Индивид, будучи от природы наделен некоторыми естественными, неотъемлемо присущими ему правами, вместе с тем, и клеточка социального организма. Социальное, выражая коллективный интерес, вырастает из совместного жительства людей. Складывающиеся между отдельными группами населения, сословиями, классами отношения со своей логикой и своеобразием определяют существенные стороны государства и права. Такие социальные отношения – не только индивидуализм и эгоизм с агрессивностью, войнами, классовой борьбой, но и альтруизм, содружество, коллективизм внутри родов, племен, семей и народов.

Нельзя забывать о том, что между человеком и общими законами движения государственности, рядом с человеком стоит и другой субъект исторического процесса – народ, нация, этнос. Образуя этногосударственную общность, они представляют собой органическое целое, сплоченное отдельностью территории, верой, языком, нравами и обычаями, культурой, своей историей, особой системой ценностей и инстинктом самосохранения, стремлением к самостоятельности и независимости. «Душа народа... только она сохраняет его общность и целостность». Путь в мировое сообщество государств, стран и народов с их неповторимостью, находящихся на разных ступенях развития, пролегает через свой выбор, согласуемый с другими. Это истинное не опровергается тенденцией сближения народов. Процессы интеграции и социокультурная особость каждого народа взаимно дополняют друг друга, сохраняя непреходящую сложность миропорядка.

Вот почему состояние народа есть то первое, что нужно считать в ряду факторов, определяющих природу, назначение и движение государства и права. Каждый народ, как и отдельная личность, развивается в соответствии с программой, заложенной в него природой. Внутренние присущие человеку и обществу закономерности развития лежат в основе государства и права, а *мудрый правитель, прежде всего, должен знать свой народ – что он может стерпеть, на что способен, чего жаждет*. Это нечто иное, нежели обязывающее подчинение молоху экономического прогресса или советы лидеру не считаться со своим окружением (мнением народа).

Если формационная концепция исходит из решающей роли в истории человечества способов производства со сменой общественно-экономических формаций и типов государства и права, то цивилизационная концепция в ряду факторов, определяющих государство и право, за исходное принимает и выделяет природные свойства народов, групп народов, образующих цивилизацию.

Согласно цивилизационной концепции народы, а с ними и государство, право проходят в своем развитии стадии раннего, зрелого и позднего возрастов, затем сходят с исторической сцены. История в целом, однако, не есть лишь смена «замкнутых сообществ народов». В силу преемственности (частичной, нередко прерываемой) и действия закона отрицания отрицания общий ход развития обретает спиралеобразный вид. При этом прогресс видится не только в восходящем движении технических средств, в том числе государства и права, но и в улучшении качества жизни.

Становление народов, их циклическое развитие идет ускоренно или замедленно. И в современном мире в глубинах Африки или Австралии есть народы, имеющие лишь зачатки государственности и незнакомые с идеей прогресса. Напротив, в странах Запада наблюдаются ускоренные преобразования. У каждой цивилизации – свой особый, неповторимый путь, «своя сущность и формы, свой эпилог». Цивилизации не только отторгают друг друга, противостоят, но и взаимодействуют, сближаются, взаимопроникают.

Возникновение государства и права, отдельные их качественные состояния в разнообразных вариациях обуславливаются в первую очередь этническим своеобразием народа, его психоэмоциональным обликом на каждой ступени своего развития. Согласно с этим опыт государственно-правового строительства приобретает действительную ценность лишь с учетом конкретных условий места, времени и состояния народа.

Навязывание с помощью «идеологической интервенции», тем более применением военной силы, принципов государственности одних народов другим ведет к подрыву жизненных устоев последних.

Цивилизационная концепция исторического процесса не отрицает воздействия на государство и право многих факторов: характера экономических отношений, географических условий, религиозных верований, демографической обстановки, остроты внутренних и внешних противоречий и т. д. Случается и так, что в конкретной исторической обстановке личность правителя приобретает решающее значение. Более непосредственно движение государственно-правовых систем от энтропии, аморфности к универсальному, абсолюту и «мировой идее» осуществляется благодаря реализации субъективного фактора, при выделяющейся роли одного или многих, через эмпирическое ощущение необходимости или его абстрактно-логическое осознание в идеях и теориях. Рассудочная деятельность приобретает качество разумного, когда согласуется с природой человека, народов и логикой движения государства и права.

Еще в 1868 г. наш соотечественник *Н.Я. Данилевский* выдвинул и обосновал идею о том, что нет единой цивилизации, которая выступала бы наследником и продолжателем всех предшествующих цивилизаций. По его убеждению, в мире было и есть несколько культурно-исторических типов, или великих цивилизаций. Он считал ошибочной попытку отождествлять судьбу Европы или германо-романской цивилизации с судьбами всего человечества:

«Прогресс состоит не в том, чтобы всем идти в одном направлении, а в том, чтобы все поле, составляющее поприще исторической деятельности человечества, исходило в различных направлениях».

А. Тойнби под цивилизацией понимал «относительно замкнутое и локальное состояние общества, отличающееся общностью культуры, экономических, географических, религиозных, психологических и других факторов». Согласно цивилизационной теории народ или группа близких народов, а с ними государство и право, образуя культурно-историческую общность, «живут и умирают подобно органическим телам» (*В.О. Ключевский*). На смену одним народам и государствам приходят другие, которые отчасти наследуют достижения предыдущих. По Тойнби, весь исторический процесс предстает перед нами рядом сменяющих друг друга или параллельно движущихся цивилизаций (шумерская, египетская, китайская, индусская, западная и т. д.), между которыми лишь в Новое время в той или иной мере устанавливается преемственная связь. Иногда, в отличие от западной, выделяют также и православную цивилизацию.

Согласно теории этногенеза российского ученого *Л.Н. Гумилева*, фазы развития этносов, как и у человека, нормально прожившего свой век, – детство, юность, зрелость и старость². Последняя ступень развития включает сначала инерционную фазу высшего подъема, затем – фазу обскурации (в соотношении с человеческой жизнью – это маразм). Век этноса – 1200–1500 лет.

Более подробно стадии роста в «лозунгах момента» предстают в следующем виде:

«Рождение этноса – «Надо исправить мир, ибо он плох». Подъем – «Будь тем, кем ты должен быть». Вершина — «Будь самим собой». Надлом – «Только не так, как было». Инерционная фаза – «Дайте же жить, гады!». Обскурация – «Да когда же это кончится!!!». Переход к мемориальной фазе — «А ведь не все еще погибло!». Мемориальная фаза — «Вспомним, как было прекрасно». И вырождение — «А нам ничего и не надо».

² См.: Гумилев Л.Н. География этноса в исторический период. Л., 1990. Описываемая Л.Н. Гумилевым цикличность более четко выражена в интенсивно развивающихся государственно-правовых системах, в других примерах она размыта, наблюдается в отдельных проявлениях.

В раннем состоянии общества, при неразвитости, скованности личности права народа сосредоточиваются в лице монарха. Достигнув зрелости, народ подключается к управлению государством. В ряде случаев утверждается республиканская форма правления с более или менее четким разделением законодательной, исполнительной и судебной властей. При республике более широко, но подчас лишь для ограниченного круга граждан, закрепляются права человека. Наконец, в позднем состоянии при болезненности стареющего общественного тела государственная власть вновь сосредоточивается в одном лице, лице императора – тоже монархия (империя), но с мощным, разветвленным государственным аппаратом, который все более широко вмешивается в регулирование общественных отношений и до поры до времени поддерживает силы дряхлеющего организма. Затем громоздкий, дорогостоящий, продажный и все менее эффективный государственный аппарат становится еще одной причиной гибели всей системы общественных отношений.

Стадиальность отдельной государственно-правовой системы более четко прослеживается в истории Древнего Рима – раннее состояние, классическое, постклассическое.

Стадиальность свойственна не только всему обществу и целостной государственно-правовой системе, но и отдельным этапам их движения. Хорошо изучена и достаточно полно описана стадиальность развития государства и права при раннем состоянии западной цивилизации на территории средневековой Франции: раннефеодальное государство, сеньориальная монархия, сословно-представительная монархия, абсолютная монархия. Хорошо различимы особенности прохождения этих фаз, стадий развития в Англии, Германии, России.

Стадиальность обнаруживается и при переходе на новый уровень развития в прохождении стадии надлома, революции (в широком смысле слова): либерально-демократический строй, революционная диктатура, военная диктатура, движение вспять, этап завершающих преобразований.

Надлом сопровождается более или менее длительным периодом, когда в силу крайнего обострения внутренних противоречий, дезориентации государства и правами сопутствующих им внешних угроз жизнь народа, его целостность и независимость подвергаются серьезной опасности.

В выделении общих черт движения государства, права и органического мира (раннее, зрелое, позднее состояния) допустимо обнаружить проявление *органической теории*. Но здесь нет тождества – лишь подобие. «Государство можно назвать организмом, памятуя о том, что это организм духовный» (Б.Н. Чичерин). С помощью органической теории обосновывался тезис о невозможности произвольного переноса правовых институтов одной правовой системы в другую: «Политические формы вырабатываются одним народом, собственно, только для этого народа и годятся» (Н.Я. Данилевский). В настоящее время органическая теория стала историей науки. Ей на смену пришло углубленное изучение роли человеческого фактора в развитии государства и права. (См.: Ковлер А.И. Антропология права. М., 2002; Мордовцев А.Ю. Национальный правовой менталитет. Ростов-на-Дону, 2002).

«Восток» и «Запад» в истории государства и права. Географически «Восток» и «Запад» – понятия крайне расплывчатые. В науке данные термины употребляются для обозначения различий эволюционных процессов или типов эволюции прежде всего в странах Азии, Африки и Европы.

Цивилизационный подход совместно с использованием сравнительного метода в изучении государства и права предполагает различать и учитывать общее и особенное «Востока» и «Запада». Западное нередко противопоставляется восточному. «Запад» и «Восток», различия которых видятся в особом образе жизни, структуре сознания, мировоззрении, считаются двумя половинами мира с присущими им разными идеологиями и системами ценностей, отличающимися представлениями о человеке и его миссии (см. схему на с. 26).

Различия «Востока» и «Запада» не раз подчеркивались в литературе: «Запад» воспринимается как спираль, ввинченная вверх; Восток – как «нечто шарообразное, в котором прошлое от будущего не отслоишь, здесь совершенствование и упорядочение осуществляются на одном уровне». «Восток есть Восток, Запад есть Запад, и им никогда не соединиться» (Р. Киплинг). Действительно, цивилизации Индии и Китая сохраняют черты социальной и культурной неповторимости до наших дней. Их самобытность есть и будет существовать вопреки всей силе интеграционных процессов современного мира. То же самое можно сказать и о России. Все же лишь непомерным преувеличением одной стороны сравнения и определенной политической заданностью можно объяснить высказывание одного из крайних западно-украинских националистов: «Россия и Европа – вещи несовместимые, взаимоисключающие. Европа заканчивается там, где начинается русский язык, менталитет, культура».

Другой взгляд на природу различий «Востока» и «Запада» исходит из принципа единства исторического процесса – все народы и их государственно-правовые системы проходят одни и те же стадии развития, но на «Востоке» мы имеем их растянутость во времени с невыраженностью этапов развития при «колоссальной устойчивости» в сознании и быту исконных обычаев и традиций. Более конкретно различия «Востока» и «Запада» проявляются в следующих характеризующих их чертах.

На «Востоке» в психоэмоциональном и этническом облике народов, их менталитете подчеркнута женское, а с тем и большая религиозность, духовность. Для «Востока» характерно длительное сохранение религиозного мировоззрения, национального своеобразия, традиционных устоев с чувством должного, а также коллективистских, общинных и «соборных» начал общежития с патриархальными, теологическими представлениями о назначении государства. Устойчивость обычаев и традиций, с одной стороны, делает общественно-государственные устои более прочными, но, с другой стороны, сковывает инициативу, самостоятельность, свободу личности, что определяет «застойный» характер развития. Здесь мы имеем преобладание монархических, авторитарных начал власти, ослабленность демократических институтов при широком участии государства в делах общества.

Преимущество восточной культуры перед западной, подошедшей, как утверждают, к своему закату, видится в таких качествах народов «Востока», как дисциплина, авторитет власти, подчинение личных устремлений коллективному началу, вера в иерархию, стремление избежать конфронтации, забота о «сохранении лица», господство государства над обществом (а общества над индивидуумом), равно как предпочтение «благожелательного» авторитаризма над западной демократией. Иногда при этом вспоминают библейское: «Бог избрал немудрое мира, чтобы посрамить мудрых, и немощное мира, чтобы посрамить сильное... и незнатное мира и униженное, и ничего не значащее избрал Бог, чтобы упразднить значащее».

Нечто иное наблюдается на «Западе». В странах западных цивилизаций традиционное общество сменяется ускоренным развитием с совершенствованием и усложнением общественных отношений, когда происходит раскрепощение личности, раскрываются ее творческие способности, укрепляется индивидуализм с рационалистическим характером мировоззрения. На этой основе устанавливается республиканская форма правления, достигаются вершины культуры, распространение получают универсальные начала государственности. Затем следуют увядание, разложение и исход (Древняя Греция, Древний Рим).

Если «восточное» отождествляется с длительным сохранением глубинных основ человеческого общежития, сохранением предрассудков, а отчасти и проявлениями варварства, через которые, однако, бьет жизненная сила, то «западное» привлекает подвижностью на основе рационального, достижениями высот в науке и культуре, свободой личности, республиканской формой правления, изобилием материальных благ. Но в «западном» обнаруживается и зыбкость жизненного порядка с проявлениями крайностей индивидуализма и эгоизма, неудержимым стремлением к потреблению, наслаждению, комфорту. Постигание глубинных тайн

природы и технологий сочетается здесь с ослаблением общественных связей, проявлениями болезненности. Еще Кьеркегор и Достоевский обращали внимание на обратную сторону эмансипации личности: одиночество, своеволие, отчуждение. Вещь стала мерой людей («Я есть то, что у меня есть» – Эрих Фромм). Радикальный индивидуализм на Западе, ведущий к разобщенности людей, осуждается и Папой Римским. Западный образ жизни, «общество потребления» ведут к ускоренному истощению природных ресурсов мира.

Интеграционные процессы глобализации ведут к обострению противоречий при одновременном нивелировании различий «Востока» и «Запада», распространению универсальных начал высших форм государственности, ускорению темпов, сокращению всего цикла развития (не так ли с шагреновой кожей в «Человеческой комедии» Бальзака?).

В реальной истории государства и права западное и восточное находятся в том или ином соотношении. Различия не абсолютны: западным государствам принадлежит одно, а восточным – другое. Гегель отмечал, что «Восток» и «Запад» есть в каждой вещи». Это – различия прогрессистских и стабильных начал бытия, одно без другого немыслимо, но разное их соотношение для каждого времени и народа вполне реально. Различия «духа Востока и плоти Запада» в современном мире приобретают подчас весьма резкие очертания. Так, в 1995 г. Председатель КНР Чжао Цзяян отмечал, что враждебные силы Запада ни на момент не оставили свои планы вестернизировать и разделить Китай.

Необходимо, однако, подчеркнуть и взаимную дополняемость «Востока» и «Запада». Так, на смену изжившей себя высокоинтенсивной римской цивилизации варварские народы принесли Европе новую жизненную силу. И в настоящее время демографические проблемы «Запада» решаются притоком населения с «Востока».

Цивилизационный подход к пониманию государства и права требует учитывать особенности государственности России. Ее государственно-правовое и экономическое развитие имеет в своей основе евразийскую этническую общность. В России различия «Востока» и «Запада» предстают в противостоянии сложившегося уклада и голого рационализма, в верности традициям и стремлении к вершинам цивилизации, достижению западных стандартов жизни. Россия аккумулирует в себе восточное и западное, то и другое переплетается в тканях ее тела. Преодоление Россией сегодняшних трудностей и противоречий видится не в бездумной вестернизации и отказе от своей природы, но в уважительном отношении к особенности народа и с этим – движение по пути прогресса.

Психоэмоциональный облик народов, их этническая обособленность как Богом данное самоценны, подлежат сохранению как виды живой природы. Действующая в Новейшей истории тенденция к достижению универсального, единого и общего как в праве, так и в создании мирового порядка может осуществляться лишь на основе признания за каждым народом права на самобытность, сохранение своих обычаев, традиций, своего лица.

Схема 2. «Восточная» и «западная» модели в истории государства и права

«Восток»	«Запад»
<ol style="list-style-type: none"> 1. Особая прочность традиций, обычаев, уклада жизни, сложившихся на ранних ступенях развития. 2. Длительное сохранение уравнительных, общинных отношений с неразвитостью частной собственности. 3. Скованность личности, подчинение личных интересов коллективному, обостренное чувство долга, альтруизм, авторитет власти, повышенная религиозность, эмоциональность. 4. Скрепляющая общество роль государства. Преобладание монархической формы правления, личностного фактора в управлении. 5. «Застойный» характер развития с растянутостью во времени исторических процессов и осложняющим внешним влиянием затрудняют выделение этапов преобразования государственно-правовых систем. 	<ol style="list-style-type: none"> 1. С разложением традиционного общества ослабевают общинные связи, ускоренно развиваются товарно-денежные отношения, частная собственность. 2. Раскрепощение личности приводит к раскрытию ее творческих способностей, инициативы, предприимчивости, укрепляется индивидуализм с верой в свободу, равенство, демократию. 3. «Культ разума» ведет к построению государства, общественных отношений на рациональной основе. Утверждается республиканская форма правления с определяющей ролью закона, права в управлении. 4. Достигаются вершины цивилизации, материального благосостояния, военного могущества. Затем следуют разложение и исход.

Методология

Предмет науки определяет, с помощью каких конкретных методов, приемов и средств анализа изучается материал. Но бывает и наоборот, когда используемая методология выделяет то, на что направлена ищущая мысль. Так, сравнительно-исторический метод как выделение общего и особенного у государства и права разных народов и цивилизаций, с одной стороны, нацеливает на изучение природы наиболее характерных и типичных фактов, с другой стороны, позволяет освободить изложение от многократного повторения материала одной и той же смысловой нагрузки. Владение методологией составляет решающее условие продвижения вперед научного знания, в высокой степени характеризует профессионализм изучения истории.

Методология истории государства и права по задачам и целям, определяемым в ее предмете, включает в себя самые различные приемы и средства рассмотрения и анализа своего объекта.

Использование каждого из них во многом зависит от личности изучающего.

Описательный метод. История, например, может предстать перед нами как «непредвзятый рассказ о прошлом» на основе «чувства исторического интереса». Если, однако, такой рассказ и не подчинен теоретическим построениям, то он все же не свободен от уровня знаний и ценностных ориентиров исследователя, его времени.

Из наиболее общих методов познания выделяются индуктивный и дедуктивный методы. **Индуктивный метод** – способ исследования и изложения, при котором от наблюдаемых частных фактов переходят к выделению принципов, общих положений теории, установлению закономерностей. Противоположный индуктивному **дедуктивный метод** представляет собой такой способ исследования и изложения, при котором из общих теоретических положений, установленных принципов, закономерностей делаются заключения относительно конкретных фактов, наблюдаемых явлений.

Парадокс науки и обучения состоит, однако, в возрастании значения методологии и одновременно в повышении роли субъективного фактора – личности того, кто овладеет знанием. Творческое отношение к материалу произрастает на почве достигнутого, но оно не укладывается в жесткие рамки формально логических правил, не может быть шаблонным применением стереотипов. Не раз обращалось внимание на важную роль интуиции в творческом процессе: «Создание общей теории относительности является, может быть, наилучшим примером того,

какую роль в процессе познания, наряду с фактами и логикой, могут играть интуиция и даже чисто эстетические соображения» (Л. Келдыш).

Конкретно-исторический анализ может быть поставлен первым в ряду частных приемов и методов изучения истории государства и права. Он позволяет лучше понимать государство и право, исходя из условий, в которых формировались их структура, институты, основные понятия.

Не только экономика, географическое положение, климат и почвы, характер сотрудничества и противоборства социальных групп населения, но и природные свойства народа, его этническое своеобразие, уровень развития, вековые традиции, идеология должны учитываться при анализе состояний и движения государства и права. Так, афинская демократия и восточная деспотия могут быть правильно поняты и оценены лишь с учетом состояния общества в Афинах и Египте.

Конкретно-исторический анализ предполагает различать не только условия становления, развития государства и права, но и обратное их воздействие на экономику, социальные отношения, культуру.

Сравнительный метод. Среди частных приемов анализа историко-правового материала особое внимание привлекает сравнительный метод. К.Д. Ушинскому принадлежат слова: «Весь процесс познания есть процесс сравнения». Благодатью для исторического мышления называл сравнительный метод О. Шпенглер. А. Тойнби считал сравнение основным методом выявления развития локальных культур. В последнее время сравнительному методу уделяется повышенное внимание. Во многих странах имеются институты сравнительного изучения права, создан такой институт и в нашей стране. Сравнительный метод в истории государства и права позволяет видеть общее, устанавливать повторяемость, регулярность и на их основе – закономерное, а также выделять особенное, ведущее к осознанию индивидуального.

Сравнительный метод – инструмент, приближающий к осознанию исторического многообразия и одновременно сведения его в целостную картину. Исторические параллели в сближении сходного либо конфронтации различий рождают интеллектуальное возбуждение, напряжение духовной жизни с острым интересом к поиску значений, что дает замечательную возможность соотнести прошлое с настоящим в осознании значения и судеб государства и права.

Уже только наблюдение, когда мы отличаем одно от другого, предполагает сравнение. К тому же и систематизация, классификация фактического материала осуществляется с использованием сравнений. Сравнительный метод способен быть инструментом интеграции знаний, позволяет видеть движение целого, влияние, взаимовлияние правовых систем, в частности влияние прошлого на формирование современных правовых систем. Сравнения необходимы и в оценке событий. Еще Сократ, по сообщению Ксенофонта, считал, что разумный человек, «разделяя в теории и на практике предметы по родам, может отличать добро от зла». Использование сравнительного метода выражает активное отношение к историко-правовому материалу.

Сравнительный метод внешне прост. Он состоит в нахождении сходств и различий в сопоставляемых событиях, правовых документах, процессах развития.

Установление сходства и общего, что более непосредственно ведет к обнаружению закономерности, все же не решает задачи познания. Необходимо еще определить природу наблюдаемого сходства, нередко оно – внешнее и случайное. Сходство, общее может быть и прочным, и основательным. Однако если исследователь забыл о различии условий, в которых сложились сходные черты, общее способно обмануть, привести к неверным выводам. Вот почему иногда говорят: «исторические параллели всегда рискованны».

Неубедительны встречавшиеся в прошлом утверждения о том, будто «правильным» может быть лишь сравнение «однопорядковых показателей», «реально сопоставимых фактов». Не следует забывать: чем существеннее и основательнее сходство, тем выше шанс для сравне-

ния быть банальным. С другой стороны, установление «несравнимости» тоже есть применение сравнительного метода.

Случается так, что даже весьма несхожие явления или те, в которых заметно лишь внешнее подобие, неизъяснимым образом наталкивают на правильное решение. Такие сравнения не поддаются научному анализу, но на этом основании они не могут быть отвергнуты. «Смелые сопоставления, фантастические аналогии, сумасшедшие теории, нахождение сходства в самых, казалось бы, удаленных вещах – вот чем полна и славна история науки» (Б.А. Глинский).

Главное в применении сравнительного метода – выделить и поставить рядом именно те факты и события, те их стороны, черты, признаки, которые позволяют высветить искомое, ведут к новому знанию³. Здесь центр тяжести приходится на наличие у исследователя острого интереса к материалу, на способность поставить задачу и определить цели сравнения. Очень важно так группировать факты, классифицировать и систематизировать материал, чтобы это выделяло сходства и различия, вело к их обнаружению. Научную ценность имеют все сравнения, которые позволяют более глубоко заглянуть в природу рассматриваемых явлений.

В изучении истории государства и права сравнительный метод позволяет установить характерность государственно-правовой системы, ее форм, институтов, высветить логику движения, выявить ее место в истории и общее с развитием других систем государства и права. Сравнение увеличивает ценность сообщаемой источниками информации, помогает овладению опытом прошлого.

Сравнительный метод предполагает знание не только правил, приемов, но и типичных ошибок его использования.

Порой именно ошибки, допускаемые умышленно или невольно, лучше всего обрисовывают нормы применения сравнений. Ошибочными являются, например, те случаи, когда учитывается только сходство или только различие, когда какое-либо сходство или различие неосновательно признается существенным. Игнорирование конкретной обстановки, в которой формировались сравниваемые события, непомерное выпячивание одной стороны и затушевание другой, недобросовестный подбор фактов для сравнения – все это излюбленные приемы фальсификаторов истории.

Сравнение способно дать первый толчок движению мысли, но оно не может считаться «абсолютным орудием познания», его возможности в полной мере раскрываются при использовании совместно с конкретно-историческим, системно-структурным анализом; методами типологии, актуализма, исходя из учения о стадийном, спиралевидном развитии.

Метод типологии. Он требует из всего наблюдаемого отбирать и выделять характерное, типичное. Любое конкретное должно быть отражено лишь в том случае, если оно ярко индивидуально или типично, отражает общее. «Тип – главное в истории. Факты политические, религиозные, культурные и даже анекдоты, какими бы красноречивыми они ни были, никогда не излагаются сами по себе, но лишь при условии, что отражают какие-либо черты народного типа»⁴.

Метод типологии (идеализации) использован в данном учебнике, например, при выделении этапов римского права в качестве типичного примера развития правовой системы. Применение метода типологии в истории государства и права способствует устранению разрыва между идеографическим (описательным) и генерализирующим (обобщающим) их изучением, между историей и теорией государства и права.

Метод аналогии состоит в сопоставлении, сравнении двух или более явлений с целью понять одно через другое. Частным его проявлением является метод актуализма, позволяющий

³ Разделение истории государства и права на две учебные дисциплины затрудняет применение сравнительного метода с выявлением общих процессов, закономерностей и особенностей развития государства и права в отдельных странах.

⁴ Гурьев В.С. Якоб Буркхард: Очерки жизни и творчества – методологические и историографические вопросы исторической науки. Томск, 1974. С. 108.

использовать современные знания для изучения прошлого и, наоборот, использовать знания прошлого для понимания настоящего и предсказания будущего. Еще Гете заметил: «...произведения природы можно узнавать, только схватывая их в становлении; созрели они и готовы – попробуй-ка, как их понять»⁵.

В широком смысле весь характер нашего мышления актуалистичен: о прошлом мы судим на основании современного опыта, выраженного в научных принципах, общих понятиях; у нас нет возможности выйти за рамки нашего бытия, полностью преодолеть налагаемые им ограничения. Применительно к изучению истории государства и права использование метода актуализма проявляется, в частности, в наложении на их прошлое сети современных правовых понятий и терминов, акцентировании внимания на тех их сторонах, которые позволяют лучше понимать действующие государственно-правовые системы, их институты, тенденции их развития.

Методы типологии и актуализма «очищают» историю от нетипичных черт и деталей, вызванных к жизни особыми условиями, представляют рассматриваемые явления как модель, в «классически чистой форме» показывают движение государственно-правовых систем. «В жизни встречаются выдающиеся случаи, которые в своем характерном многообразии стоят... как представители многих других»⁶.

Такой подход к истории государства и права чреват их модернизацией, что допустимо лишь при неременном учете отличий исторических эпох и признании ограниченности используемых сравнений и аналогий. Они дают мощный импульс знанию, но не исчерпывают его. Сравнительный метод, типология, актуализм... должны ли мы отказаться от них только потому, что они не дают всеобъемлющего знания? По аналогии можно задать вопрос: «Должны ли мы отбросить шахтерскую лампу на том основании, что она не освещает любой угол, и потому, что в руках неопытного может привести к взрыву?»

Системно-структурный анализ. Результаты типологии, сравнительного рассмотрения истории государства и права помогают применить к их осознанию системно-структурный анализ. Опираясь на понятие целого и части, он позволяет лучше видеть целостность исторического процесса, включающего в себя отдельные взаимосвязанные и относительно самостоятельные части, как в развитии (этапы), так и в структуре сложившегося (отрасли, институты, понятия). Системно-структурный анализ – такой особый угол рассмотрения исследуемого объекта, который ведет к обнаружению существующих между целым и его частями отношений, связей, чем обогащает знание и того, и другого.

Системно-структурный анализ позволяет взглянуть на государство и право как на обособленную сферу жизни общества и ориентирует на выявление различного рода их взаимовлияний. И это не все. Системно-структурный анализ делает обязательным установление места государства и права в мировом историческом процессе, открывает широкие возможности для анализа и характеристики присущих им закономерностей, показывает общий ход спиралевидного движения с «как бы повторяемостью» в результате действия закона отрицания отрицания.

Говоря о методах анализа истории государства и права, нельзя забывать об исторической специфике предмета. История государства и права в полной мере раскрывает свои возможности познания, когда она говорит языком фактов, обладающих высокой степенью характерности, отражающих ведущие черты реального, раскрывающих особенное и общее, закономерное, человечески ценное и вместе с тем способных дать толчок ассоциативной деятельности сознания, творческой активности познания. Такая история позволяет видеть рассматриваемое явление раскованно, широко, разносторонне.

⁵ Гете И. В. Избранные сочинения по естествознанию. М., 1957. С. 389.

⁶ Гете и Шиллер. Переписка. Т. 1. М., 1937. С. 308.

Перечисленные выше методы, приемы исследования истории государства и права далеко не исчерпывают всего богатства арсенала ее методологии. При решении отдельных задач, изучении тем и вопросов могут быть использованы и другие методы, приемы, средства. Важно, однако, не только знать научный инструментарий, но и уметь им пользоваться, владеть методологией. При ознакомлении с материалом учебника необходимо хотя бы обратить внимание на то, как применяются средства познания при раскрытии отдельных тем. В последующих разделах, например, сравнительный метод более полно использован при выделении различий Востока и Запада, отборе материала при изложении римского права, при характеристике англосаксонской и романо-германской (континентальной) форм права, особенностей российского права.

Интерес к предмету истории государства и права рождает внимание и желание глубже познать, овладеть методологией ее изучения. Может быть, даже не столько формальные знания, но овладение методологией составляет главную цель обучения. Каждый, кто хочет не только знать историю, но и приблизиться к ее пониманию, не может не интересоваться методологией.

Раздел II

Государство и право стран Древнего Востока

История государства и права Древнего мира начинается с возникновения древнейших государственных образований в странах Востока и заканчивается (очень условно) завоеванием Рима варварами (V в. н. э.).

Уже в столь отдаленное от нас время, по сохранившимся источникам, хорошо различимы причины образования государства и права, их природа и назначение, роль в становлении и развитии древних обществ, их культуры. Исходные начала государственности – *демократизм* и *централизация* власти в государственном строе стран Древнего мира – приобрели различные формы и очертания. Среди их разнообразия как наиболее полное, крайнее, даже утрированное выражение централизации и демократизма государственного управления выделяются восточная деспотия в Древнем Египте и афинская демократия.

В истории Древнего Китая мы наблюдаем острый *конфликт традиционных начал и роли рационального, вульгарного рационализма* в развитии государства и права. Вместе с тем в государственном строе Древнего Китая при Цинь ши-Хуанди и Спарты мы видим первые *попытки достичь идеального построения общественных отношений на началах «чистого разума», не считаясь с традиционными устоями жизни*. Сопоставление рождает ряд интересных вопросов об их обусловленности состоянием общества, внешними условиями бытия, а также соответствии интересам человека, общества, развитию культуры.

В долинах крупнейших рек Востока – Тигра и Евфрата, Хуанхэ, Нила и Ганга – в IV–III тыс. до н. э. возникают первые цивилизации и государственные образования Месопотамии, Египта, Индии. В их истории выделяются такая форма государственности, как *восточная деспотия*, и *раннее, начальное состояние права* — сословное деление населения, неразвитость частной собственности или такие явления, как талион («равное за равное») и ордалии (суд божий).

На Востоке государство стало стержнем ряда цивилизационных образований народов.

Выделяя в истории государства и права **восточную деспотию**, следует учитывать, что далеко не всегда и не во всем государства Древнего Востока были централизованными монархиями с обожествлением и неограниченными правами правителей. Их власть ограничивалась, например, безусловным подчинением традициям и религиозным канонам, которые правитель не мог свободно изменять. Да и в некоторых городах-государствах Древнего Востока устанавливался строй, близкий к олигархическим республикам.

Коллективизм с разделением труда, взаимной поддержкой людей помогал выжить в трудных условиях, решать стоявшие перед обществом задачи. Высокий уровень коллективизма присущ ранним ступеням развития, но на Востоке, в отличие от Запада, коллективизм общественных отношений имел более прочные основания. В традиционализме и коллективизме Востока, рационализме и индивидуализме, проявившихся на более высоких ступенях развития Запада, пожалуй, наиболее заметны их глубокие различия.

Ярким проявлением коллективизма в странах Древнего Востока была **крепкая сельская община**. При большом разнообразии правового положения общин они имели и общие, типичные черты. Община была административной и хозяйственной ячейкой общества. Она самостоятельно решала свои внутренние вопросы, была единицей налогового обложения и солидарно несла ответственность за преступления, совершенные на ее территории. Земля принадлежала всей общине и на началах уравнительного землепользования передавалась отдельным семьям. При господстве натурального хозяйства в общине производилось почти все необходимое для удовлетворения потребностей членов коллектива. Община тормозила развитие

торговли, частной собственности, расслоение населения на бедных и богатых и определяла относительную сплоченность общества. Вместе с тем она сковывала инициативу, предприимчивость человека, мешала становлению его самостоятельности, раскрытию творческих способностей, утверждению достоинства личности. Проходили века и тысячелетия, но, несмотря на все изменения, характерные особенности восточных обществ, их государства и права сохранялись.

Специфическое в истории государства и права стран Древнего Востока рассматривается нами как производное природных свойств народов, их психоэмоциональной самобытности, сложившейся за долгое время прошлой жизни. Цивилизационные циклы здесь растянуты во времени, расплывчаты, размыты волнами передвижений народов, завоеваниями, внутренними катаклизмами. Изменяющееся, прогрессивное на Востоке крепко связано с традиционным, стабильным и прочным – длительным сохранением глубинных основ человеческого общежития. На Востоке устойчивость общественных отношений прежде всего и определяет особенности государства и права.

Длительность рассматриваемого периода (несколько тысячелетий), отрывочность сведений о столь отдаленном от нас времени крайне затрудняют общую характеристику развития права стран Древнего мира и Востока. Однако, используя сообщения отдельных дошедших до нас исторических памятников, можно выделить *типичные черты раннего правового состояния*, свойственного в той или иной мере, в различных модификациях многим государственным образованиям того времени.

Аморфность. Право не вполне отделилось от религии в особое средство регулирования общественных отношений, правовые и религиозные обязанности не различались. В Древней Индии, например, не было известно даже слово «право», а предписания правового характера содержались в священных книгах индусов. Религия поддерживала право своими санкциями. Она наделяла право как божественное установление ореолом святости, облекала в религиозные одежды. Авторитет религии в полной мере использовался властью, чтобы внушить уважение к праву.

Первоначально право тесно переплеталось также с простыми нормами нравственности и древними обычаями. Первые памятники права часто были записями норм обычного права.

Недифференцированность – неразвитость основных правовых понятий, институтов, структуры права, самой правовой нормы. Так, еще и уголовное право не отделялось от гражданского, а уголовный процесс – от гражданского процесса. При этом понятия правонарушения и преступления (общественно опасное деяние) зачастую не разграничивались. Широкое использование «объективного вменения» объясняется также и неразвитостью понятия вины как решающего основания ответственности. При определении наказания не различались подчас умысел и неосторожность.

Правовая норма еще не сложилась в чистом виде: широкое распространение имели особые социальные нормы с вкрапленными в них предписаниями правового характера. Правило поведения в такой норме, выступая в форме религиозного предписания или древнего обычая, обеспечивалось прежде всего религиозной санкцией или силой общественного мнения. Со временем из них вычлениются правовые нормы, которые все более активно стали поддерживаться возможностью и реальностью государственного принуждения.

Узкая сфера действия. На ранних ступенях развития общества многие отношения регулировались обычаями, религией, тогда как роль права в определении строя жизни была крайне сужена.

Экзотичность, своеобразие. На ранних ступенях развития в праве особенно ярко представлена этническая самобытность народов. Причудливость формы, свойственная фантазии раннего возраста, переносилась на право.

Наивное мировоззрение древних народов обусловило, в частности, развитой и детализированный **формализм** и **символизм** правовых действий. Правовой акт неизменно сопровождался множеством сложных ритуальных действий – жестами, произнесением клятв или сакраментальных слов, фраз, исполнением религиозных гимнов. Малейшее отступление от строго установленной формы, например неточность в произнесении слов, приводило к тому, что необходимый правовой результат не достигался.

Казуальность. Право нередко возникало из записи конкретных судебных решений, поэтому обобщающий характер правовой нормы еще не сложился, она соотносилась лишь с конкретным случаем. Такие нормы были более понятными, но они не могли охватить всю сферу отношений, подлежащих правовому регулированию, и приводили к значительным пробелам в праве.

Консерватизм. Священность и неприкосновенность религиозных догматов и древних обычаев переносились на право. Связь права с религией и обычаями, застойный характер общественного и экономического развития обусловили крайне замедленный темп изменений в нем. Следует, однако, учитывать, что и отрывочность сведений о праве стран Древнего Востока не позволяет сколь-нибудь полно показать его развитие, изменения.

В отдельных областях права следует выделить **неразвитость права частной собственности, жестокость наказаний, ордалии** и **талион** в судебном процессе. Особо обращает на себя внимание **резко выраженное неравноправие отдельных групп населения**. Правовое положение человека определялось прежде всего его принадлежностью к тому или иному сословию, а право индивидуальной свободы не признавалось.

Рассматривая с высоты современности право стран Древнего Востока, нельзя видеть в нем только примитивизм и упрощенность. Правовое детство человечества надо мерить его же мерками. Право не может быть выше духовного и экономического уровня, а простота, упрощенность права для своего времени были наилучшими.

Складывавшееся право ничуть не торопилось скинуть с себя религиозную оболочку, священность, внешние формы древних обычаев. Первоначально только в таких одеждах оно и могло существовать, быть признанным, в таких одеждах оно получило широкое распространение и применялось в течение многих веков. Причудливость формы, почерпнутая из обычаев и вековых традиций, делала право понятнее. Образность языка Законов Ману способствовала их популяризации, тому, что они были хорошо известны широким слоям населения. Когда не была развита письменность, совершение сложных формальных действий наилучшим образом способствовало фиксации в памяти присутствующих мельчайших деталей сделки. Связь права с религией обеспечивала, например, надежность договора.

Глава 1

Древний Египет. Государственный строй восточной деспотии

В Древнем Египте, может быть, более четко обнаруживается закономерность возникновения государства из внутренней потребности, в частности из необходимости объединения народа ради решения хозяйственных задач (функция «общественных работ»), а также идеологического сплочения при создании единого мировоззрения в религии.

Древний Египет – одно из наиболее ранних государств, в котором достаточно полно представлены черты такого крупного и яркого исторического явления, как **восточная деспотия**. Изучение государственного строя Древнего Египта показывает общественную значимость и ценность такой формы государственности, как восточная деспотия, ее зависимость от политического режима, условий среды обитания, духовного состояния народа.

Восточная деспотия была порождена сравнительно низким уровнем развития общества, скованностью личности при наличии крепкой сельской общины с неразвитостью товарно-денежных отношений и господством религиозной идеологии, а также необходимостью управлять большими массами населения, проживавшего на обширных территориях, и проводить крупные общественные работы.

Восточная деспотия характеризуется высочайшим уровнем централизации власти, вся полнота которой сосредоточивалась в одном лице (фараона, вана, императора). Глава государства обладал как светской (законодательной, исполнительной, военной, судебной), так и религиозной властью. Личность главы государства обожествлялась, его воля и власть имели религиозный, сакральный характер и были непререкаемы. Повеления главы государства осуществлялись с помощью громоздкого, сложного, медлительного бюрократического аппарата. Человек ценился невысоко, даже будучи формально свободным он был «рабом порядка», религии, традиций. Восточная деспотия – следствие раннего состояния общества и, в частности, господства общинных отношений. Восточная деспотия могла сосредоточить силы народа на решении важнейших задач – создании ирригационных систем, ведении военных действий. Но она же тормозила раскрепощение личности, подчас деформировала общественные цели (строительство пирамид фараонов в Египте, Великой китайской стены) и была одной из причин «застойного» характера развития стран Древнего Востока.

Излагаемая характеристика восточной деспотии есть, однако, лишь обобщенное изображение реального. В Древнем Китае, например, власть императора Цинь ши-Хуанди всецело опиралась на рационалистические основания. Восточная деспотия типична для многих государственных образований стран Востока. Но, например, в империи Маурьев (Древняя Индия) ряд черт деспотии отсутствовал. Да и в истории Египта имели место случаи острых конфликтов светской и духовной власти, свержения фараона жречеством. Фараон не мог не считаться с мнением и интересами своего окружения.

* * *

Государственность в Древнем Египте возникает на территории нижнего течения Нила, где на основе поливного земледелия развивается сельскохозяйственное производство – основная отрасль экономики страны. Образование государства в Египте стимулировалось необходимостью объединения усилий людей для строительства ирригационных сооружений, необходимостью согласования и координации труда и общежития больших масс населения, острой потребностью создания лучшей военной организации.

Государственность древнеегипетской цивилизации за многие века своего существования претерпела значительные изменения. Пройдя стадию мелких полугосударственных образований и период временного распада (при завоевании страны азиатским племенем гиксосов), она перешла от ранней монархии к поздней, при этом на протяжении большей части своей истории сохраняла типичные черты восточной деспотии, когда в руках главы государства сосредоточивалась верховная религиозная (духовная) и светская власть с безусловным правом жизни и смерти в отношении своих подданных.

В истории Древнего Египта выделяют следующие этапы развития:

Раннее царство (XXXI–XXIX вв. до н. э.);

Древнее царство (XXVIII–XXIII вв. до н. э.);

Среднее царство (XXI–XVIII вв. до н. э.);

Новое царство (XVI–XI вв. до н. э.).

Первыми в Древнем Египте (*Раннее царство*) были небольшие полугосударственные образования – *номы*. Они представляли собой объединения сельских общин вокруг храмов. Во главе нома зачастую стоял жрец, который, обладая религиозной властью, становился и правителем. С первых шагов своего существования государственность в Египте играла важную роль в организации труда общинников по созданию и поддержанию в надлежащем состоянии ирригационных сооружений.

В период *Древнего царства* на основе объединения номов образуются два египетских государства – Верхний и Нижний Египет. Сначала они не имели сильной центральной власти и были далеки от подобия восточной деспотии. Укрепившись, они вступают в борьбу за преобладание в Египте. После многих войн страна объединяется под главенством Верхнего Египта. Со времени объединения, в период Древнего царства, египетская государственность и приобретает типичные черты восточной деспотии.

Во главе государства стоял верховный правитель – **фараон**. Он обладал всей полнотой власти, воплощал в себе мощь египетского государства и наделялся пышным титулом правителя Верхнего и Нижнего Египта, каждый шаг его сопровождался торжественным и сложным церемониалом. Фараон считался воплощением бога и сыном бога, видеть его, даже произносить его священное имя для простых смертных признавалось запретным. Вершиной культа фараонов было строительство пирамид – грандиозных сооружений, над которыми в течение многих лет трудились десятки тысяч людей. По сведениям Геродота, пирамиду Хуфу строили 100 тыс. человек в течение 20 лет. Религиозный характер власти фараона, опиравшегося также и на силу государства, делал его распоряжения безусловно обязательными. Фараон ведал делами культа, регулировал управление, назначал высших чиновников: за службу он жаловал им титулы, предоставлял земли. Считалось, что от него зависели урожаи в стране, справедливость, безопасность. Власть фараона была наследственной. Естественным признавалось наследование власти родственниками-мужчинами. Но допускалось и наследование женщинами. Передача престола требовала религиозного обоснования. Как правило, фараон еще при жизни короновал своего наследника.

В Египте создается **бюрократический аппарат**. Раннее состояние государственности проявлялось в нерасчлененности государственных служб. Почти все чиновники выполняли и хозяйственные, и военные, и судебные, а также религиозные обязанности. Дворцовые и государственные службы зачастую не отграничивались (такое раннее устройство государственного аппарата в период средневековья стало называться **дворцово-вотчинной системой управления**). Исторически сложившейся особенностью построения государственного аппарата было деление каждого ведомства на два подразделения, обслуживавшие Верхний и Нижний Египет.

Реальное исполнение государственных дел возлагалось на *писцов*. Они выполняли административные поручения, руководили общественными работами, ведали делопроизводством,

собирали налоги, раздавали продукты и т. д. За службу они получали зерно, земельные владения и даже рабов. Писцы составляли привилегированное сословие. Знатность и богатство человека в Древнем Египте прежде всего определялись тем, какое место он занимал в чиновничьей иерархии.

Повседневное руководство бюрократическим аппаратом осуществлялось **джати**. Сначала он был жрецом города (резиденции фараона), начальником царского дворца, а со временем в его руках сосредотачиваются нити управления царским хозяйством. Уже в Древнем царстве джати, который обычно был близким родственником фараона, фактически осуществлял управление страной. Джати считался «казначеем богов» и «начальником всех работ и поручений», был верховным судьей, ему докладывали «о крепостях Юга и Севера». Он должен был знать «обо всем выходящем из царского дома... ему докладывали о себе наместники, затем он идет к царю на совет».

В государственном управлении устанавливались, меняли свои названия самые различные должности и титулы. Подчас одно лицо наделялось никак не связанными друг с другом обязанностями (например, носитель царских сандалий был вместе с тем и главнокомандующим армии). Однако со времени Древнего царства достаточно четко выделялись три направления государственной деятельности: **финансовое ведомство** по сбору налогов, **ведомство публичных работ**, осуществлявшее, в частности, строительство ирригационных сооружений, и **военное ведомство**.

Особо обращает на себя внимание широкая деятельность государства в области хозяйства. Государство признавалось верховным собственником земли. За службу земля передавалась знати, чиновникам, храмам. Государство осуществляло наблюдение за разливами Нила, проводило строительство дамб, каналов, водохранилищ. Осушая заболоченные земли, обводняя засушливые, государство активно участвовало в получении высоких урожаев. Уже в Древнем царстве строились пирамиды, крепостные стены, величественные храмы.

В материальном производстве выделялись крупные хозяйства храмов и вельмож, имелись также общинные хозяйства. Здесь производилось почти все необходимое для жизни (натуральное хозяйство), торговля была ограниченной. Хозяйства вельмож, храмов облагались налогами, а их работники и общинники платили в царскую казну подати. Рабов было сравнительно немного, они использовались на тех же работах, что и свободные общинники. В правовом положении резкой грани между рабами и общинниками, работниками царских, храмовых, вельможных хозяйств не было.

Управление в номах осуществляли представители родовой знати – *номароси*. В Древнем царстве они были подчинены власти фараона, однако не раз проявляли склонность к обособлению. В поздний период Древнего царства, когда усиливается местный сепаратизм, а многие представители номовой знати добиваются получения иммунитетных грамот, экономическое и политическое могущество центральной власти падает. Происходит раздробление прежде единого государства на множество враждующих между собой самостоятельных государственных образований. Складываются отношения, в чем-то напоминающие феодальные. Для Египта наступает время смуты и упадка.

Ослабление центральной власти, политическая раздробленность Египта вели к разрушениям в ирригационных системах, упадку хозяйства, обнищанию населения, что и послужило толчком к новому объединению страны, созданию сильного государства – *Среднего царства*. Объединяющим началом, способствовавшим усилению центральной власти, становится культ Бога Солнца как главного божества, которому поклонялись египтяне.

В истории Среднего царства выделяется строительство новых ирригационных сооружений, в частности, в районе Фаюмской котловины. Освоение новых земель, хозяйственный подъем сопровождались успешными военными походами, в ходе которых десятки тысяч пленных обращались в рабство.

В это время отмечаются рост частной собственности и активизация роли государства в распределении рабочей силы. Свободные («царские люди») переписывались и распределялись по профессиям (земледельцы, пастухи, ремесленники, торговцы, воины), а затем направлялись в хозяйства для постоянной работы. Распределение рабочей силы, как выражение хозяйственной роли государства, составляло типичную черту восточной деспотии. В целом, однако, характерные, типичные черты государственного строя восточной деспотии в период Среднего царства не претерпели существенных изменений.

История Среднего царства заканчивается народным восстанием и завоеванием страны *гиксосами*. Противоречия внутри общества ослабили государственную власть, а развитие частной собственности и товарных отношений с интенсификацией методов хозяйствования и эксплуатации непосредственных производителей способствовали росту недовольства. Результатом стали восстание и разрушение государственности.

Исторические источники («Лейденский папирус») донесли до нас яркое описание событий того времени. «Смотрите: было приступлено к лишению страны царской власти немногими людьми, не знающими закона. Столица, она разрушена в один час». «Благородные – в горе, простолюдины же – в радости. Каждый город говорит: «Да будем бить сильных среди нас». Зерно стало общим... Бедные выходят и входят в великие дворцы... дети вельмож выгнаны на улицу. Тот, кто не мог сделать себе саркофага, он [теперь] стал владельцем гробницы. Владельцы гробниц выкинуты на вершины холмов». «Прекрасная судебная палата, расхищены ее акты, лишено хранилище ее тайн [своего] содержания. Вскрыты архивы. Похищены их податные декларации. Рабы стали владельцами рабов... [чиновники] убиты».

Страна с разрушенной государственностью на длительное время подпадает под власть завоевателей.

С освобождением от власти гиксосов (около 1580 г. до н. э.) начинается наиболее блестящий период древнеегипетской истории – *период Нового царства*. Успешные завоевания превращают Египет в огромную империю. Разграбление завоеванных территорий, приток рабочей силы в виде обращенных в рабов пленников, интенсивное развитие торговли с другими странами, восстановление старых и строительство новых ирригационных сооружений способствовали расцвету экономики Египта. В стране строятся пышные храмы, украшаемые скульптурными и барельефными изображениями.

В период Нового царства основные черты государственного строя восточной деспотии не претерпели принципиальных изменений, но с увеличением государственных дел происходит усложнение государственной организации. По-прежнему верховная духовная и светская власть принадлежала фараону. Фактическое управление государственным аппаратом доверялось второму лицу в государстве – **везиру**. Центральный государственный аппарат состоял из нескольких палат, возглавлявшихся начальником казны, главным домоправителем, заведующим пашней, начальником над скотом. Везир назначал также чиновников, возглавлявших управление четырьмя большими административными районами Египта.

Стремление фараонов упорядочить бюрократический аппарат (устанавливаются иерархия чиновников, форма одежды, знаки отличия, порядок прохождения службы и присвоения званий, титулов) в главном не достигало желаемого. Бюрократический аппарат представлял собою громоздкий, дорогостоящий механизм, а его деятельность характеризовалась обилием переписки, медлительностью. Беспрекословное повиновение низших высшим обеспечивало централизацию власти, однако сковывало инициативу, активность непосредственных исполнителей, способствовало развитию таких отрицательных явлений, как формальное отношение к делу, коррупция. В сохранившихся надписях можно, например, прочесть: «Он грабит как крокодил, подобно суду».

Право Древнего Египта в данном разделе не рассматривается. В своих общих чертах оно во многом напоминает состояние, описанное в Законнике Хаммурапи Древнего Вавилона.

Несмотря на то, что в истории Древнего Египта выделяются Древнее, Среднее и Новое царства, доказательно говорить о качественно отличных этапах развития его государственности весьма затруднительно. Вполне допустимо, однако, выделять отдельные изменения, в которых проявлялось движение государства и права к более высокому состоянию. В Среднем царстве, например, заметное развитие получают частная собственность, частные хозяйства, рост имущественных различий населения. В Новом царстве, в период расцвета, возрастает и усложняется регулирующая роль государства. Пожалуй, лишь в строительстве вооруженных сил более четко просматриваются качественные преобразования.

Армия. В Древнем царстве преобладала ополченская система построения армии. Она создавалась на время военных походов, по окончании которых ополченцы возвращались к своим хозяйствам. Имелись отдельные отряды наемников из чужеземцев, дворцовая, городская стража, но постоянной армии не было.

В Среднем царстве создается регулярная армия, формируемая по набору, из специально обученных отрядов воинов. К этому времени относится и формирование корпуса кадрового офицерства.

В Новом царстве заметно возрастает роль армии в жизни страны. Регулярная армия увеличивается количественно, а вместе с тем, когда собственный «человеческий материал» в силу падения морального качества и атрофии чувства патриотизма становился малопригодным, возрастает значение отрядов наемников из туземцев-ливийцев. Наблюдается военизация (милитаризация) государства. Военные все более часто наделяются и функциями гражданских чиновников, например чиновников, отвечающих за сооружение каналов. Характерным для Нового царства становится высокая специализация воинских подразделений. Были известны пограничная охрана, гарнизонные войска, столичная полиция, речная полиция, полицейские отряды, осуществлявшие охрану каналов, зернохранилищ, храмов и т. д. С ростом сословных различий населения армия превращается в особое сословное образование. Воины обязаны были жить сообща, постоянно упражняться в воинском мастерстве, не имели права заниматься другими делами.

В поздний период Нового царства внутренние смуты, восстания, а также стремление номов к обособлению и самостоятельности сильно ослабили центральную власть. В результате Египет подвергается завоеванию и теряет самостоятельность.

Глава 2

Древний Вавилон. Законник Хаммурапи – черты раннего состояния права

Как уже отмечалось, в странах Древнего Востока право характеризовалось неразвитостью своей системы, отсутствием четких разграничений между отраслями и институтами права. Поэтому говорить о гражданском праве (регулирующем, главным образом, имущественные, обязательственные отношения) и уголовном праве (определяющем, какие правонарушения имеют характер преступления и какие за них устанавливаются наказания) можно только условно. Это же следует сказать и об институтах права – группах правовых норм, регулирующих определенный вид общественных отношений (например, отношений собственности).

О *гражданском, уголовном, процессуальном праве стран Древнего Востока*, основных институтах этих отраслей права можно достаточно полно судить по древневавилонскому памятнику права – Законнику Хаммурапи.

Законник Хаммурапи относится к тому периоду истории Древнего Востока, когда народы, жившие в районе междуречья Тигра и Евфрата, в XVIII в. до н. э. были объединены под главенством Вавилона, и возникло довольно обширное и могущественное для того времени древневавилонское государство. Возвышению Древнего Вавилона во многом способствовала весьма энергичная политика одного из древневавилонских деспотов – Хаммурапи, во время правления которого был издан свод законов, известный как Законник Хаммурапи.

Законник представлял собой черный базальтовый столб, на котором клинописью выбит текст 282 статей. В верхней части столба изображены бог Шамаш и коленапреклоненный Хаммурапи. Это изображение и введение к Законнику преследовали вполне определенную цель – подчеркнуть священный характер законов, их божественное происхождение, безусловную обязательность.

Законник не имеет четкой структуры. Условно его можно разбить на следующие части. Первые пять статей посвящены суду и преступлениям, связанным с отправлением правосудия. Во втором разделе (около 120 статей) регулируются вопросы приобретения и защиты собственности. Третий раздел (около 70 статей) посвящен браку, семье, наследованию. В четвертом говорится о наказаниях за преступления против личности (около 20 статей). Наконец, в пятом разделе (около 70 статей) содержатся нормы, регулирующие трудовые процессы.

В Законнике нет четкого разграничения норм уголовного, гражданского, процессуального права, а сами эти отрасли права еще не сложились. Законник не был и исчерпывающим сводом законов. В нем, например, не говорилось о наиболее тяжких преступлениях – против государства и религии. Видимо, законодатель считал само собой разумеющимся, что эти преступления должны наказываться только смертной казнью. Статьи Законника носили казуальный характер – они регулировали узко конкретные правоотношения и устанавливали наказания за них. Характерную черту Законника составляет широкое применение талиона («равное за равное»). Талион, возникший в первобытнообщинном строе, претерпевает в Законнике существенное изменение – он применялся только между людьми равного общественного положения. Наказание устанавливалось в зависимости не только от вида преступления, но и от общественного положения виновного и потерпевшего. Большими штрафами и смертной казнью каралось воровство – так защищалась собственность (в том числе и на рабов).

Право собственности означает право владеть, пользоваться и распоряжаться имуществом. Объектами права собственности были земля, движимое имущество и рабы. Законник Хаммурапи исходил из наличия верховной собственности государства на землю. Значительные массивы земель находились в непосредственном пользовании и распоряжении государ-

ства. Существовало также коллективное землепользование – земли храмов, общин. Частная собственность на землю еще не получила полного развития.

Длительное сохранение в странах Древнего Востока верховной собственности государства на землю (право определять назначение земель, общие условия пользования ими, а также право требовать выполнения повинностей лицами, обрабатывавшими землю) было тесно связано с необходимостью строительства ирригационных сооружений общегосударственного значения. По мере развития крупных частных землевладений и земельной собственности храмов право верховной собственности государства на землю ограничивалось, а в отдельные периоды даже приобретало номинальное значение.

В Вавилоне в период издания Законника Хаммурапи часть государственных земель с постройками на них и необходимым инвентарем передавалась чиновникам и воинам за службу – так называемое *имущество илку*. Законник устанавливал особое правовое положение этого имущества. Право распоряжения этим имуществом ограничено, имущество илку изъято из оборота: его нельзя было продавать, закладывать, завещать. Нельзя было его употребить и на выкуп воина из плена. Если воин погибал или попадал в плен, имущество илку переходило к его взрослому сыну при условии выполнения им тех же обязанностей. При малолетстве сына треть участка передавалась жене воина для воспитания ребенка. Владелец имущества илку был обязан лично выполнять свои обязанности. Воин, посланный в поход вместо себя другого человека, карался смертной казнью, а этот человек получал его имущество.

Защита собственности, особенно собственности дворян (государственной собственности), а также собственности храмов, осуществлялась самыми решительными и жестокими мерами уголовного наказания, а также гражданско-правовыми средствами (см. далее).

Другим важным институтом гражданского права было **обязательственное право**, регулировавшее договорные отношения и обязательства из причинения вреда. Обязательственное право получает разработку по мере развития в странах Древнего Востока товарно-денежных отношений. Законнику Хаммурапи известны договоры купли-продажи, хранения, займа, личного и имущественного найма и др. Предметом договора купли-продажи могла быть и земельная собственность. Заключение сделки сопровождалось формальными действиями (правовой формализм): ком земли (кирбану) бросали в воду канала или реки. Кирбану символизировал участок земли. Кирбану в руках собственника – собственность на поле еще за ним. Бросить кирбану в воду значило разрушить собственность, после этого старой собственности уже не было, она уничтожалась, исчезала. Теперь новый собственник после уплаты обусловленной цены мог вступить во владение земельным участком. Договор займа в Вавилоне предусматривал уплату чрезвычайно высоких процентов (до 33,5), что способствовало порабощению бедноты, а в некоторых случаях влекло обращение несостоятельного должника и членов его семьи в рабство (до трех лет).

Обязательства из причинения вреда выражались в необходимости возместить ущерб. Так, если крестьянин не укрепил плотину и вода уничтожила урожай соседа, виновный должен был уплатить стоимость погибшего урожая. При ранении или убийстве чужого раба, как и при повреждении или уничтожении чужого имущества, виновный возмещал хозяину раба понесенные убытки.

Уголовное право защищало государственный и общественный порядок, устанавливало повышенную ответственность за посягательства на личность и собственность представителей господствующих классов. Но общие понятия уголовного права еще не получили развития. Так, не сложилось еще понятие преступления как правонарушения, представлявшего особую общественную опасность. Незрелость права проявлялась и в том, что в Законнике не говорилось о наиболее тяжких преступлениях – государственных. В нем за нормами, характеризующими преступления, связанные с отправлением правосудия, следовали нормы, обеспечивавшие защиту собственности, затем – нормы о защите личности и здоровья, наконец, в последнем

разделе говорилось о преступлениях, совершенных ветеринаром, строителем, о краже сельскохозяйственного имущества.

Центральное место в Законнике Хаммурапи занимали преступления против личности (убийство, телесные повреждения и др.) и имущества (кража, грабеж и т. д.) рабовладельцев. Кража по законам Хаммурапи влекла уплату штрафа, в 10–30 раз превышающего стоимость украденного, или даже смертную казнь (за кражу имущества царского дворца или храма). Кража и укрывательство рабов карались смертью виновного. Вора, сделавшего пролом в стене, «перед тем проломом должно убить и зарыть» – проявление сохранившегося от прошлого самосуда.

Система наказаний также была относительно неразвитой, что проявлялось в сохранении пережитков первобытнообщинного строя. В Законнике не упоминалась кровная месть, но предусматривалась коллективная ответственность общины за преступления, совершенные на ее земле; в некоторых случаях сын отвечал за преступление отца («объективное вменение»).

Законнику Хаммурапи хорошо известен *принцип талиона*, предусматривавший применение судом к виновному наказания, равного преступлению. Талион представлял собой упрощенное понимание справедливости, целей наказания и средства защиты телесной неприкосновенности личности. «Если человек повредит глаз кого-либо из людей, – можно прочесть в Законнике Хаммурапи, – то должно повредить его глаз». «Если кто-то ломает кость человека, то должно сломать его кость».

Наиболее часто талион применялся при различного рода телесных повреждениях, но он распространялся и на случаи убийства. Действие талиона, однако, было не беспредельно. «Если человек выбьет зуб человека, равного себе, то должно выбить его зуб (§ 200), но если он выбьет зуб лицу более низкого положения (мушкену), то должно уплатить 1/3 мины серебра» (§ 201). «Если человек ударил по щеке большего по положению, чем он сам, то должно в собрании ударить его 60 раз плетью из воловьей кожи» (§ 202). «Если человек повредит глаз раба или ломает раба, то он должен отвесить половину его покупной цены» (§ 199). В статьях о талионе проявлялась еще одна характерная черта раннего права – казуальность норм, неразвитость их обобщающего значения. «Если строитель построит человеку дом и сделает свою работу непрочной, так что построенный дом обвалится и причинит смерть хозяину дома, то этого строителя должно убить; если он причинит смерть сыну хозяина, то должно убить сына строителя» (§ 229, 230). Здесь талион имел и ярко выраженное символическое значение – *символический талион*. Законник, например, предписывал отрезать пальцы врачу, сделавшему неудачную операцию.

Основными видами наказания были смертная казнь, членовредительные и телесные наказания, штраф, отстранение от должности.

Законник предусматривал 30 видов смертной казни: сожжение, утопление, посадение на кол и др.

Штрафом карались и некоторые кражи, но «если вору нечем отдать – его должно убить».

Судебный процесс был упрощенным и в основном носил состязательный характер: возбуждение процесса в суде считалось частным делом и начиналось, как правило, по требованию потерпевшей стороны: активность суда в собирании доказательств была ограничена, это делали сами стороны; даже исполнение решения суда в большинстве случаев ставилось в зависимость от усмотрения выигравшей стороны.

Строго определенный порядок разрешения дел в суде еще не был выработан. Однако ряд правил, прежде всего в оценке доказательств, уже сложился. Доказательствами в Вавилоне наиболее часто служили свидетельские показания. Клятва требовалась при наличии сомнения в истине и при отсутствии других доказательств. Весьма распространенным средством установления вины были *ордалии* – «суд божий». «Если кто не докажет обвинения в чародействе, – говорилось в Законнике Хаммурапи, – то тот, на кого было брошено подозрение в чародействе,

пойдет к Реке и опустится в нее. Если Река овладеет им, то тот, кто его обвинил, получит его дом, а если Река объявила этого человека невиновным и он остался невредим, тот, кто бросил на него обвинение в чародействе, предается смерти, а опустившийся в Реку получает дом своего обвинителя» (§ 2).

Изложенное позволяет сделать вывод, что Законник Хаммурапи, несмотря на сохранение в нем ряда пережитков первобытнообщинного строя (например, коллективные формы ответственности) и примитивность правовой техники, закреплял и охранял основы существующего строя и общественное неравенство.

Ограниченность правового материала о столь отдаленной от нас исторической эпохе, а также застойный характер развития стран Древнего Востока делают весьма затруднительным показ процесса изменения и совершенствования права. Эти вопросы наилучшим образом могут быть рассмотрены на примере истории права античного Рима.

Глава 3

Древний Китай. Конфуцианство и легизм – традиционное и рациональное в государственном строе

История Древнего Китая представляет особый интерес резким противостоянием двух идеологических направлений в государственности – конфуцианства и легизма. В их столкновении вырисовывается кардинальной важности проблема – *конкуренция устоявшегося, традиционного и рассудочного (осознанно направляемого) в строительстве государства и права.*

В истории Древнего Китая в основном по имени царствующих династий выделяются: государство *Шан (Инь)* (XVIII–XII вв. до н. э.) – раннее государственное образование; государство *Чжоу* (XI–V вв. до н. э.) – первоначально централизованная монархия, в последний период которого единое государство рушится; наконец, историю Древнего Китая венчают Великие китайские империи – *Цинь* (III–II вв. до н. э.) и *Хань* (II в. до н. э. – III в. н. э.).

Образование государства в долине реки Хуанхэ относится ко II тысячелетию до н. э. На смену раннему государственному образованию Шан (Инь) приходит возникшее в результате завоевания (племенем Чжоу) государство Чжоу. Тогда, в ранний период истории Китая, существовали формы коллективного землевладения по системе *цзинь тянь*, согласно которой каждые 8 участков передавались в пользование отдельным семьям, а 9-й (общественное поле) обрабатывался сообща, и урожай с него поступал в распоряжение государства. В социальной структуре общества выделялась наследственная аристократия, занимавшая привилегированное положение. Труд рабов имел ограниченное применение, по большей части рабы принадлежали государству. В то время право еще не отделилось от обычаев, простых норм нравственности.

В построении государства четко обнаруживаются черты восточной деспотии. **Правитель (ван)** почитался «сыном Неба» и признавался верховным собственником Поднебесной. Однако обыкновение передавать управление завоеванными землями в наследственное владение титулованной знати приводит к раздробленности прежде единого государства. В Китае наступает период «многих царств», затем «борющихся царств». Тогда прежде верные вассалы вана становятся удельными князьями, обладающими фактически полной независимостью, власть же вана ограничивается пределами его владения – домена. (Такое положение очень напоминает период феодальной раздробленности в средневековой Европе.)

V–III вв. до н. э. в истории Китая можно считать переломным временем. Тогда в стране происходило разложение общинных отношений. Все более частыми становились сделки с землей. Происходило ускоренное развитие товарно-денежных отношений. Многие города превращались в ремесленные центры. Наблюдалось резкое имущественное расслоение населения. Упрочивается частная собственность на землю и рабов. Значительную экономическую силу приобретают купцы и ростовщики. Одновременно растет их политическое влияние. Рождается порядок продажи должностей. Наследственная аристократия оттесняется «выскачками из низов».

Утверждение новых экономических и политических сил происходило на фоне разрушения патриархальных порядков при всеобщем ожесточении и междоусобных войнах. Моральные принципы отбрасывались, на смену им пришли предательство, продажность, коварство, убийства, подкупы, шантаж. В этих условиях как реакция на неустроенность и смуту в обществе рождается учение Конфуция (551–479 гг. до н. э.). Отражая некоторые глубинные свойства характера китайского народа и подменяя собой религиозные верования, оно стремилось формировать идеи, убеждения, внешнюю манеру поведения людей («образ мышления и стиль

жизни»), а значительно позже (в империи Хань) превратилось в *главный регулятор жизненных отношений и основной принцип государственности*⁷.

Идеализируя отношения патриархального быта и создавая образ идеального человека, Конфуций возвеличивал обычаи старины, отношения солидарности сородичей, проповедовал уважительное отношение к старшим, повиновение которым считал безусловным. Государство он уподоблял большой семье, отношения правителя и народа должны строиться, как между отцом и детьми. Высшей целью управления Конфуций считал интересы народа, в государственном управлении следовало исходить из этических принципов, управление должно быть гуманным. Гуманными должны быть не только цели и идеалы, но и средства. Иначе народ проклянет эти цели и идеалы. («Древние государи сдерживали народ справедливостью, связывали его управлением, поступали с ним правильно, поддерживали человечность... Кроме того, они поучали народ быть преданным, учили выполнять свой долг. Государи руководили людьми мягко, подходили к ним с уважением, судили с твердостью».) Такое правление, согласно конфуцианскому учению, позволит добиться морального подъема и единства народа, при котором не будет страшно никакое нападение.

Учение Конфуция о совершенствовании этических взаимоотношений между людьми, между народом и правителем выражало желаемое, было более пригодно для относительно мирного времени, эволюционного развития, рассчитано на длительный период, но оно не отвечало требованиям решения экстремальной ситуации периода «борющихся царств». Конфуцианское учение отчасти совпадало с принципом «недеяния» Лао-цзы, согласно которому вмешательство в «естественный» ход вещей может лишь ухудшить жизнь народа. В той исторической обстановке конфуцианское учение не стало орудием активного решения острых проблем китайского народа и потому потерпело поражение.

На фоне продолжавшегося разложения общинных и патриархальных порядков, при обострении отношений родоплеменной знати с новыми собственниками и резком расслоении населения, в условиях непрекращающихся междоусобных войн кризис старого и нового укладов жизни породил в обществе требование неперемennого объединения страны и наведения порядка, что и стало непосредственной причиной возникновения философского учения – легизма⁸. Излагая основы легистского учения и противопоставляя его конфуцианству, Шан Ян писал: «Имеется не один способ управления миром, и нет необходимости в подражании древности... Средства, которыми правитель вдохновляет народ, – это учреждения и должностные ранги».

Легизм и конфуцианство выражали противоположное понимание природы человека, отношений народа и правителя, целей и задач государства. По Конфуцию, народ – нравственная личность; напротив, легисты считали, что человек озабочен лишь тем, чтобы доставить себе удовольствие и избежать страданий. Легизм, порывая с традициями и обычаями старины, представлял собой сугубо рационалистическое и вульгарно-рационалистическое учение, требовавшее активного преобразования общественных отношений. Ослабление народа считалось главной задачей правителя. Сила государства – в слабости народа. Если в конфуцианском учении правитель уподоблялся отцу в семье, то согласно легизму народ – это сырой материал, а правитель – мастер, который, измеряя и обрабатывая свой материал, отсекает все лишнее (!), создает прекрасную вещь. Правитель должен быть свободен от совести, моральных

⁷ Ритуалы, манера внешнего поведения, «китайские церемонии» сплачивали общество. «Ритуалы – выступают фактором, обеспечивающим национальное единство, в известном смысле стабилизирующим общественные отношения... Ритуалы – это индикаторы, показатели характера цивилизации (конечно, вместе с другими проявлениями менталитета). За ними часто скрываются особые, незаметные социально-культурные установки, тайны общественного бытия». Мордовцев А.Ю. Национальный правовой менталитет. Ростов-на-Дону, 2002. С. 32.

⁸ Легисты (законники) – сторонники самого широкого регулирования общественных отношений абсолютной властью правителя с помощью сильного бюрократического аппарата, строгих законов и наказаний.

норм и руководствоваться только целесообразностью. Решающее значение в государственном управлении отводилось закону, исполнительности чиновников и наказанию. Суровое наказание считалось лучшим средством управления. («Подражание древним состоит в управлении при помощи добродетели, подражание современным – во введении законов, в которых наказание на первом месте». «Если наказания преобладают, народ спокоен, но если избылиуют награды, то рождается мерзость».)

В легизме нашла отражение особая государственная идея – рационалистическое утверждение сильной государственной власти со всеилием закона и равенством всех перед законом; утверждалось, что государственная власть должна быть требовательной к людям и направлять их поступки регулирующей ролью закона и наказания. («Люди по всей сути стремятся к порядку, однако действия их порождают беспорядок; потому там, где сурово карают за мелкие проступки, они исчезают, а тяжким просто неоткуда взяться».) В Китае при господстве легистского учения, как и в других обществах на ранних ступенях развития, роль наказания в управлении преувеличивалась, а в легизме наказанию придавалось еще большее значение ввиду острой необходимости преодоления смуты периода «борющихся царств». Но легизм не учитывал глубинные свойства характера китайского народа, его «образ мышления и стиль жизни», сложившиеся в течение длительного предшествующего времени, и потому оказался недолговечным.

Легистское учение было реализовано на практике в реформах Шан Яна и в государственном строе империи Цинь при правлении императора Цинь ши-Хуанди (начало правления около 258 г. до н. э.). Радикальным преобразованиям подверглась вся система государственного управления.

При Цинь ши-Хуанди конфуцианство было запрещено, древние книги сожжены, сепаратизм мест подавлен, и Китай предстает перед нами единым централизованным государством. Правление Цинь ши-Хуанди составило целую эпоху в истории Китая. При нем создается мощный, сложный, строго централизованный государственный аппарат с большим числом чиновников, связанных беспрекословным подчинением и автоматическим послушанием. Основы построения государственного аппарата Циньской империи сохранялись многие века в последующей истории Древнего и Средневекового Китая.

Вершину пирамиды власти венчал **император** (хуанди). Он обладал неограниченными полномочиями, его личность обожествлялась. На Цинь ши-Хуанди неоднократно совершались покушения, отчасти этим можно объяснить его чрезвычайную подозрительность и жестокость. Сопrotивление реформам, в частности конфуцианцев, родовой знати, повлекло массовые репрессии. Так, 400 конфуцианцев были обвинены в подстрекательстве к смуте и заживо закопаны, были истреблены царские семьи в покоренных государственных образованиях.

При императоре состояли **советники**, непосредственно отвечавшие за исполнение его распоряжений. Советникам подчинялись **центральные ведомства** – военное, финансовое, судебное, сельского хозяйства, ведомство, обслуживавшее личные нужды императора. Особое ведомство следило за управлением в округах. В Циньской империи прежние титулы знатности упразднились, и представители знатных родов, «не имевшие заслуг, считались недостойными быть в списках знати». Устанавливались новые **20 рангов знатности** (табели о рангах), присваиваемые за заслуги перед императором. Рангом знатности определялся почет, а во многом и богатство – размер земельного надела, величина жалования, качество, размер жилья и т. д. Привилегированное положение в государстве стала занимать служилая, военная и торгово-ростовщическая знать.

На основе воинской повинности создается **армия**, которая осуществляла и полицейские функции. В армии, как и в среде крестьянства и чиновников, существовала круговая порука – за проступок одного отвечали пятеро. Только в одной из военных кампаний на севере страны участвовала 300-тысячная китайская армия.

Проводится целый ряд других крупных преобразований.

При утверждении и господстве легизма осуществлялись мероприятия, направленные на разложение общинных отношений, укрепление частной собственности на землю и ослабление позиций родовой знати. Так, реформами Шан Яна предусматривалось принудительное дробление крупных семейных объединений, составлявших основу общинных отношений. В частности, устанавливались наказания для тех, кто имел в семье более двух взрослых сыновей, продолжавших жить под крышей своего отца. Одновременно ликвидировались привилегии представителей наследственной знати. Запрещалась кровная месть. Важную часть реформ составляло разрешение свободной купли-продажи земли.

Согласно административной реформе границы ранее существовавших царств были ликвидированы, а вместо них устанавливалось деление всей территории страны на 36 округов, управлявшихся назначаемыми из центра военными и гражданскими чиновниками. Округа делились на уезды. Преобразованиям подверглось и местное управление. Каждые пятерки и десятки семей связывались круговой порукой, образуя локальные объединения и низшую ступень административного деления населения. Пяти- и десятидворки должны были отвечать за порядок на своих землях.

Выражением предельной централизации государственной власти стала всеобъемлющая регламентация законом общественной и личной жизни подданных. Осуществлялись систематизация и кодификация законодательства. Соблюдение законов поддерживалось строжайшими наказаниями (четвертование, разрубание пополам, обезглавливание, удушение, закапывание живьем, варка в котле, пробивание темени и т. п.).

Цинь ши-Хуанди провел финансовую реформу с введением единой монетной системы; изменил податную систему, установив налог, определяемый соответственно количеству обрабатываемой земли; осуществил унификацию письменности; установил единую систему мер и весов. При нем в широких масштабах проводилось строительство Великой китайской стены, ставшей вечным памятником трудолюбия и терпения китайского народа, объединенного деспотической властью. Военное значение такого крупного оборонительного сооружения, когда «срывали горы и засыпали ущелья», было ограниченным. Но в Великой китайской стене очевидно проявилось стремление государства возвеличить свою власть, убедить всех в ее мощи. (В последующем Великая китайская стена стала символом единства китайского народа.)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.